

попытки разрешить свою задачу, дающей вместо синтеза лишь суммирование (стр. 386 и далѣе).

Въ качествѣ недостатковъ сочиненія, которые кандидатской работѣ въ большую вину, конечно, не могутъ быть поставлены, но при дальнѣйшихъ занятіяхъ автора своей темой, для магистерской диссертации, должны быть устранены,—одни вполне и безусловно, а другіе по мѣрѣ возможности,—я нахожу нужнымъ указать слѣдующіе: 1) Неполноту изученія сочиненій Керкегора; тѣ изъ нихъ, которыя не переведены на нѣмецкій языкъ, цитируются авторомъ уже изъ вторыхъ рукъ; для избѣжанія этого недостатка автору слѣдовало знать датскій языкъ; когда онъ бралъ тему для кандидатскаго сочиненія, этого требованія ему не было предъявлено, но для магистерской работы, само собою понятно, требованія будутъ уже другія. 2) Неполноту изученія литературы о Керкегорѣ (ср. стр. XIV и слѣд.); причина этого недостатка—частію та же (незнаніе датскаго языка), частію заключается въ другихъ обстоятельствахъ, за которыя теперь я, во всякомъ случаѣ, не считаю автора отвѣтственнымъ. 3) Встрѣчающееся иногда (не всегда) цитированіе Гегеля и другихъ соприкосновенныхъ съ Кромъ философовъ не по собственнымъ ихъ сочиненіямъ, а изъ вторыхъ рукъ. 4) Чрезмѣрную схематичность философскихъ характеристикъ (Гегеля, Канта, Шеллинга и др.), которыя,—вслѣдствіе этого и въ связи съ нерѣдкимъ злоупотребленіемъ технической философской терминологіей,—по мѣстамъ совершенно перестаютъ быть понятны. 5) Вообще обиліе иностранныхъ словъ не всегда безъ ущерба для ясности и точности рѣчи. 6) Пристрастіе къ поясненіямъ въ скобкахъ, производящимъ, вслѣдствіе своего обилія, довольно таки непріятное впечатлѣніе.

Желательныя дополненія и расширенія тѣхъ или иныхъ отдѣловъ сочиненія въ настоящемъ отзывѣ указывать не вижу надобности.

Въ заключеніе еще разъ могу повторить, что заслуживающей самаго серьезнаго изученія Керкегоръ нашель въ лицѣ г. Одинцова вполне достойнаго и компетентнаго изслѣдователя“.

32. Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Орлова Анатолія* на тему: „Ученіе Иларія Пиктавійскаго о Троицѣ“:

„Въ научной литературѣ не только русской, но и заграничной до сихъ поръ не имѣется исчерпывающей монографіи объ извѣстномъ посредникѣ между Востокомъ и Западомъ въ спорѣ по вопросу о природѣ Сына Божія—Иларіи Пиктавійскомъ. Положеніе дѣлъ не измѣнилось и послѣ выхода въ свѣтъ въ срединѣ истекшаго учебнаго года новаго изслѣдованія Beck'a *Die Trinitätslehre des heiligen Hilarius von Poitiers*. Mainz 1903, такъ какъ эта книга при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ страдаетъ методологическими промахами и рассматриваетъ ученіе Иларія совершенно изолированно, внѣ связи съ особенностями эпохи, породившей его. Восполнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ по патрологіи и имѣеть своею цѣлью работа г. Орлова. Свою задачу авторъ выполнилъ съ рѣдкими въ студентѣ знаніемъ дѣла, тщательностью и методомъ. Въ работѣ г. Орлова прежде всего заслуживаетъ полнаго одобренія ея методъ. Успѣхъ всѣхъ вообще патристическихъ изслѣдованій зависитъ отъ соблюденія двухъ методологическихъ правилъ. Для того, чтобы изслѣдованіе говорило намъ что-либо ясное и опредѣленное объ авторѣ, котораго оно касается, необходимо указать мѣсто, занимаемое его трудами, въ исторіи даннаго литературнаго движенія, опредѣлить направленіе, къ которому авторъ примыкаетъ, источники, которыми онъ пользуется, партіи, съ которыми онъ борется. Этотъ пріемъ, плодотворный вообще, является положительно необходимымъ при изслѣдованіи запутанной сѣти тринитарныхъ движеній IV в. При наличности значительнаго числа отгѣнковъ среди борющихся партій необходимо прослѣдить каждую нить до ея исходнаго начала и отмѣтить степень приближенія даннаго писателя къ каждому изъ исторически извѣстныхъ направленій. Другимъ условіемъ плодотворности патристическихъ изслѣдованій служитъ изученіе подлиннаго смысла терминологіи каждаго автора въ отдѣльности. Нерѣдко случается, что два писателя, употребляя одни и тѣ же слова, соединяютъ съ ними совершенно различный смыслъ. Методъ изслѣдованія г. Орлова состоитъ въ примѣненіи того и другаго пріема. Объ этомъ говоритъ уже общее содержаніе его сочиненія. Первая глава содержитъ краткій очеркъ исторіи развитія ученія о Троицѣ и характеристику различныхъ направленій, сталкивавшихся между собою во

время арианскихъ споровъ. Здѣсь выяснены основныя черты ученія Иринея, Тертулліана, александрійской школы, Діонісія Римскаго, арианъ, восточныхъ и западныхъ защитниковъ никейской вѣры, полуаріанъ въ послѣдовательныхъ фазахъ развитія ихъ доктрины, Маркелла Анкирскаго. Во второй самой главной и самой обширной части сочиненія выясняется ученіе Иларія о Св. Троицѣ въ его отношеніи къ различнымъ направленіямъ въ рѣшеніи вопроса о природѣ Сына Божія, отмѣченнымъ въ первой главѣ. Установивъ прежде всего на основаніи тщательнаго сравненія параллельныхъ мѣстъ смыслъ терминовъ *substantia*, *essentia*, *gradus*, *forma*, *species*, *res* въ ихъ общемъ антологическомъ значеніи и въ примѣненіи къ вопросу о Троицѣ, авторъ выясняетъ смыслъ ученія Иларія о единствѣ лицъ въ Божествѣ, объ ихъ ипостасности и личныхъ особенностяхъ, о единствѣ и подобіи ихъ по существу (*ὁμοούσιος* и *ὁμοιούσιος*), объ образѣ рожденія Сына Божія. Въ дальнѣйшихъ параграфахъ авторъ подробно трактуетъ о практическомъ и литературномъ отношеніи Иларія какъ къ оппозиціоннымъ партіямъ Востока, такъ и къ защитникамъ никейскаго исповѣданія. Послѣ изложенія и характеристики противоаріанской полемики Иларія, авторъ отмѣчаетъ точки соприкосновенія между ученіемъ полуаріанъ и основными предположеніями догматической системы Иларія. Обращаясь далѣе къ выясненію отношенія Иларія къ догматическому ученію представителей и защитниковъ строго никейскаго вѣроученія, авторъ сравниваетъ богословіе Иларія съ сочиненіями Аѳанасія Александрійскаго и разъясняетъ спорный вопросъ о причинахъ разногласія между Иларіемъ и самымъ крайнимъ изъ никейцевъ — Люциферомъ Сардинскимъ, вызваннаго благосклоннымъ отношеніемъ Иларія къ термину *ὁμοούσιος*. Въ окончательномъ выводѣ, заключающемъ вторую главу, указываются источники догматическаго ученія Иларія во вліяніяхъ, исходящихъ отъ Иринея, Тертулліана и александрійцевъ. Естественнымъ продолженіемъ и завершеніемъ ученія о природѣ Сына Божія служить христология, душою тринитарныхъ споровъ въ IV в. было понятіе о спасеніи. Поэтому нужно признать вполне умѣстной заключительную третью главу сочиненія г. Орлова, въ которой тѣмъ же

сравнительнымъ и аналитическимъ методомъ выясняется ученіе Иларія о личности Искушителя и о спасеніи.

Содержаніе сочиненія г. Орлова, какъ это видно изъ сдѣланнаго изложенія, давая представленіе о научности метода его труда, свидѣтельствуетъ также и о широтѣ поставленныхъ имъ для себя задачъ. То и другое для своего удачнаго примѣненія и выполненія требовало отъ автора соотвѣтствующаго труда и таланта.

Тѣмъ съ большимъ одобреніемъ нужно сказать, что онъ овладѣлъ предметомъ своего изслѣдованія съ полнымъ успѣхомъ. Въ основательномъ знаніи новыхъ и древнихъ языковъ онъ имѣлъ для этого вполне достаточное средство. Благодаря этому только онъ могъ въ сравнительно короткое время изучить съ такимъ успѣхомъ какъ источники, такъ и литературу предмета. О трудѣ и усидчивости, потребовавшихся для этого, говоритъ уже количество источниковъ. Главный источникъ, сочиненія св. Иларія, изученъ авторомъ вполне основательно и, какъ видно изъ приводимыхъ въ сочиненіи параллелей, очень детально. Это нужно поставить въ большую заслугу автору, такъ какъ языкъ и изложеніе въ сочиненіяхъ Иларія очень часто темны и неудобопонятны. Не ограничиваясь изученіемъ своего прямого и главнаго источника, авторъ всегда обращается къ подлиннымъ сочиненіямъ о.о. церкви въ своихъ многочисленныхъ справкахъ въ области исторіи догматовъ, которыхъ требовалъ принятый имъ сравнительный методъ. Съ этою цѣлью онъ познакомился со всеми важнѣйшими литературными памятниками затронутыхъ имъ направленій и движеній въ исторіи тринитарныхъ споровъ, хринологіи и сотеріологіи.

Не менѣе вниманія удѣлено авторомъ изученію литературы предмета. Правда, литература, имѣющая прямое и непосредственное отношеніе къ сочиненіямъ Иларія, какъ было замѣчено ранѣе, не богата, и овладѣть ею не представляется труднымъ, но за то литература, посвященная исторіи догматовъ въ цѣломъ и въ ея отдѣльныхъ моментахъ, весьма обширна. Тѣмъ не менѣе авторъ основательно познакомился и съ этой богатой литературой въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо для его цѣлей. Имъ использованы не только важнѣйшіе курсы исторіи догматовъ, но и лучшія монографіи объ отдѣльныхъ писателяхъ, дѣятеляхъ и направленіяхъ.

Что касается самого изложенія ученія Иларія и другихъ церковныхъ писателей, то оно также отличается большими достоинствами. Прежде всего это не столько изложеніе ученія изслѣдуемыхъ авторовъ, какъ оно дано въ ихъ непосредственномъ слововыраженіи, сколько его изслѣдованіе и выясненіе. Авторъ не останавливается на фразѣ, а всегда старается истолковать ее съ точки зрѣнія общаго духа сочиненій Иларія и выясненной общей его терминологіи. Во вторыхъ, изложеніе свидѣтельствуетъ о тонкомъ и ясномъ умѣ автора. Проникнуть въ состояніе мысли древнихъ и перевести ихъ идеи на языкъ современныхъ понятій не всегда бываетъ легко и удается не всякому. Изложеніе догматическаго ученія древнихъ писателей, предлагаемое авторомъ, при его краткости и сжатости, отличается замѣчательной ясностью и наглядностью. Сочиненіе не загромаждается длинными буквальными выдержками, какъ это часто замѣчается въ патристическихъ изслѣдованіяхъ. Авторъ приводитъ буквальныя выдержки лишь посколькѣ онѣ необходимы въ качествѣ доказательства вѣрности его пониманія текста.

При всѣхъ перечисленныхъ достоинствахъ сочиненіе г. Орлова не чуждо, конечно, и нѣкоторыхъ недостатковъ. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не попытался прослѣдить развитіе догматическихъ убѣжденій св. Иларія и установить при помощи сравнительнаго изученія отдѣльныхъ сочиненій, чѣмъ обязанъ былъ св. Иларій своему личному знакомству съ Востокомъ. Авторъ пишетъ: „главнѣйшія (догматическія) сочиненія Иларія написаны на протяженіи 3—4-хъ годовъ: въ силу этого Иларій принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, для изученія которыхъ внутренне-генетическій методъ не можетъ имѣть приложения“ (стр. 192). Пусть такъ. Но въ краткій промежутокъ 3—4 лѣтъ въ жизни св. Иларія произошли такія важныя перемены, которыя дѣлали возможнымъ развитіе его догматическихъ воззрѣній. Комментаріи на Ев. Мѳ. были написаны имъ еще до перенесенія арианской борьбы на Западъ. По словамъ самого Иларія, до этого времени онъ ничего не слышалъ ни о никейской вѣрѣ, ни объ *ὁμοούσιος*, ни объ *ὁμοιούσιος*. Трактатъ De Trinitate написанъ на Востокѣ, но ранѣе, чѣмъ Иларій выступилъ въ De Synodis примирителемъ между полуаріанами Во-

стока и православными Запада въ сочиненіи. Отдѣльный анализъ всѣхъ трехъ сочиненій могъ бы показать, 1) каковы были богословскія воззрѣнія Иларія до его знакомства съ Востокомъ, 2) какую форму приняли они подъ вліяніемъ знакомства съ догматическими партіями Востока и восточной богословской литературой и 3) не оказали ли нѣкотораго вліянія на сложившіяся такимъ образомъ убѣжденія св. Иларія его примирительныя стремленія. Далѣе въ своемъ краткомъ очеркѣ исторіи ученія о Св. Троицѣ г. Орловъ опускаетъ одно, повидимому, мелкое звено, которое, однако, объяснило бы ему нѣкоторыя стороны въ ученіи западныхъ писателей о Троицѣ. Я разумѣю нѣкоторое увлеченіе монархіанствомъ папъ Зеферина и Каллиста, создавшее на Западѣ интересъ къ моменту единства въ ученіи о взаимномъ отношеніи божественныхъ лицъ. Вліяніе св. Иринея на Иларія въ вопросѣ о единствѣ лицъ Св. Троицы и сходство въ пониманіи термина сущность между Иларіемъ и полуарианами нѣсколько преувеличены авторомъ.

Но въ общемъ выдающіяся достоинства сочиненія г. Орлова не только даютъ основаніе признать его автора вполне достойнымъ степени кандидата богословія, но и побуждаютъ меня рекомендовать его трудъ особому вниманію Совѣта Академіи“.

33. Заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Остроумова Михаила* на тему: „Явленія воскресшаго Господа ученикамъ“:

„Обширный трудъ (695 стр.) автора, кромѣ маленькаго введенія (1—15 стр.) о задачѣ и пособіяхъ сочиненія, состоитъ изъ *двухъ* большихъ частей: *исагогической*, посвященной изложенію и разбору отрицательныхъ взглядовъ на данный предметъ (первая глава, стр. 17—79), изслѣдованію о мѣстѣ, времени, числѣ и порядкѣ явленій (вторая глава, стр. 79—192) и раскрытію свойствъ воскресшаго тѣла Господа (третья глава стр. 193—241),—и *экзегетической*, представляющей частное толкованіе текста евангельскихъ повѣствованій о явленіяхъ воскресшаго Господа Маріи Магдалинѣ и другимъ женамъ (первая глава, стр. 243—307), о путешествіи апостоловъ Петра и Іоанна ко гробу Господа (вторая глава, стр. 308—326), о явленіи Господа эммаусскимъ путникамъ (третья глава, стр. 327—415), всѣмъ ученикамъ въ день вос-

кресенія вечеромъ (четвертая глава, стр. 416—464), въ восьмой день (пятая глава, стр. 464—505), при озерѣ Тиверіадскомъ (шестая глава, стр. 505—627), на горѣ Галилейской (седьмая глава, стр. 627—658) и наконецъ въ 40-й день при вознесеніи на небо (восьмая глава, стр. 658—695).

Достоинства сочиненія: а., Общую и основную задачею труда своего авторъ совершенно правильно ставить выясненіе нравственно-религіознаго значенія воскресенія Господа, Его явленій ученикамъ и вознесенія на небо.

б) При составленіи своего труда авторъ весьма обстоятельно и умѣло использовалъ обширный научно-литературный матеріалъ по данному вопросу какъ древне-патристическій, такъ и новѣйшій иностранный (особенно Кейма, Небе и Брандта) и русскій.

в) Въ разборѣ отрицательныхъ сужденій авторъ весьма основателенъ, а въ раскрытіи положительныхъ церковныхъ воззрѣній строго православенъ.

г) Языкъ сочиненія обработанный, простой и дѣловой.

Слабую сторону труда составляютъ: а) отсутствіе *спеціально-филологическихъ* изслѣдованій авторомъ лингвистическихъ трудностей евангельскаго текста,—б) недостаточно полное и углубленное раскрытіе *богословско-созерцательной* стороны христіанскаго ученія о тѣлѣ воскресшаго и вознесшагося Господа,—и в) *мелче*, чѣмъ было бы желательно и полезно, *всестороннее* уясненіе понятій *тѣла духовнаго, душевнаго и матеріальнаго, бѣса и сѣрѣξ, ψυχή и πνεῦμα, τοῦς* и соприкосновенныхъ (авторъ, повидимому, держится дуалистическаго воззрѣнія на субстанціальность тѣла и духа), а равно и значенія явленія Господа Апостолу Павлу.

Однокжъ, этими недостатками нисколько не умаляется обстоятельность и серьезность посвященной трудному предмету работы автора, не только вполне удовлетворительной для кандидата богословія, но и заслуживающей особаго поощренія“.

34. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василия Соколова о сочиненіи студента *Платонова Михаила* на тему: „Оксфордское движеніе; его исторія, сущность и историческое значеніе“:

„Сочиненіе г. Платонова раздѣляется на восемь главъ подъ слѣдующими заглавіями: 1) Состояніе англиканской церкви

предъ оксфордскимъ движеніемъ; 2) Біографическія свѣдѣнія о главнѣйшихъ дѣятеляхъ его; 3) Начало оксфордскаго движенія и „Ассоціація друзей церкви“; 4) Трактаріанство и „Hampten Controversy“; 5) Римскій вопросъ, „Via media“ и № 90; 6) Оксфордское движеніе послѣ изданія № 90; 7) Сущность движенія; 8) Его значеніе.

Этотъ краткій конспектъ сочиненія показываетъ, что предметъ изслѣдованія охваченъ авторомъ съ достаточною полнотою, въ ясной и правильной постановкѣ, и потому читатель долженъ получить весьма обстоятельное понятіе о разсматриваемомъ явленіи. Правда, въ краткомъ предисловіи авторъ жалуется на недостатокъ и неудовлетворительность имѣвшихся у него подъ руками источниковъ и пособій, но всякій знакомый съ этими источниками и пособиями, или прочитавшій сочиненіе г. Платонова, долженъ признать, что и того матеріала, который былъ въ распоряженіи автора, достаточно для того, чтобы дать довольно полную и обстоятельную картину и оцѣнку разсматриваемаго явленія. Для осуществленія поставленной задачи нужно было лишь тщательно изучить этотъ матеріалъ, взвѣсить и продумать его, дать ему надлежащее расположеніе и уяснить и освѣтить единствомъ основной идеи. Нельзя сказать, чтобы авторъ вполне успѣшно справился съ этою задачей. Его сочиненіе въ значительной степени имѣетъ характеръ не столько изслѣдованія, сколько матеріала, что въ особенности ощутительно въ его исторической части, которая нерѣдко представляетъ собою лишь сухой перечень фактовъ, чуждый надлежащаго освѣщенія и въ самомъ ихъ подборѣ не отличающійся характерностію.

Нельзя также признать достоинствомъ стремленіе автора излагать свой предметъ съ возможно-большою близостію къ тексту пособій. Это стремленіе заслуживаетъ похвалы лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость подтвердить тѣ или другія положенія выдержками изъ источниковъ, какъ напр. трактатовъ или писемъ; но отнюдь не уместно въ историческомъ изложеніи событій или въ характеристикахъ. Тѣмъ менѣе можно одобритъ это стремленіе, что авторъ владѣетъ знаніемъ англійскаго языка далеко не въ совершенствѣ, а потому его переводное изложеніе оказывается часто тяжелымъ, неуклюжимъ, даже искажающимъ мысли

оригинала и изобилующимъ разными ошибками и курьезами (см. напр. страницы: 43, 44, 46, 47, 52, 58, 62, 71, 72, 98, 106, 116, 123, 138, 207, 253, 255, 277, 292 и др.). Еще больше приходится жалѣть объ этомъ, когда читаешь тѣ главы и мѣста сочиненія, въ которыхъ авторъ излагаетъ свой предметъ совершенно самостоятельно, и когда видишь, что самъ онъ свободно владѣетъ даромъ изложенія, и рѣчь его течетъ плавно, легко и даже красиво.

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ, сочиненіе г. Платонова съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ приложилъ къ своей работѣ не мало труда, собралъ и обслѣдовалъ достаточное количество матеріала и далъ читателю возможность составить себѣ довольно обстоятельное понятіе о разсматриваемомъ предметѣ.

Для присужденія автору степени кандидата богословія признаю сочиненіе г. Платонова удовлетворительнымъ“.

35. Преосвященнаго Ректора Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Плотникова Евгенія* на тему: „Евсевій, Архіепископъ Могилевскій, какъ проповѣдникъ“:

„Въ введеніи авторъ говоритъ о планѣ, методѣ, задачѣ, источникахъ и пособіяхъ (1—36). Въ первой главѣ предлагаетъ очеркъ жизни и дѣятельности высокопреосвященнаго Евсевія (37—89), во второй излагаетъ взгляды его на дѣло проповѣдничества (90—133), въ третьей дѣлаетъ анализъ проповѣдей со стороны формы и содержанія (134—246), въ четвертой говоритъ о современности проповѣдей въ связи съ вопросомъ о внѣшней и внутренней сторонѣ ихъ и о взглядѣ его на отношенія догматики и нравственности (247—288), въ пятой о значеніи проповѣдничества высокопреосв. Евсевія (289—312). Въ приложеніи авторъ помѣстилъ два еще неизданныхъ слова Архіеп. Евсевія (1—36).

При написаніи своего сочиненія авторъ воспользовался не только почти всѣми печатными трудами, какіе существуютъ въ литературѣ объ Архіепископѣ Евсевіи, но и неапечатанными еще нигдѣ. Совершенно справедливо сѣтуетъ авторъ, что ему не пришлось воспользоваться „дневникомъ“ Могилевскаго Архипастыря, хотя бы и неполнымъ. Говорятъ, онъ обнимаетъ всего лишь только три года его дѣятельности (15). Поражаетъ пріятно читателя въ сочиненіи г. Плотникова тщательность историко-археологическихъ

справокъ автора (17 и др.). Біографическія свѣдѣнія изложены имъ настолько хорошо, что многія страницы нельзя читать безъ высокаго наслажденія. Приготовленіе самого святителя къ проповѣдническому служенію раскрыто авторомъ отлично. Не мало здѣсь можно встрѣтить и любопытнаго. „Бывшіе у насъ подъ руками автографы высокопреосвященнаго проповѣдника,—пишетъ авторъ,—прямо поражаютъ многочисленностью своихъ поправокъ въ отдѣльныхъ словахъ и цѣльныхъ выраженійхъ, и это у проповѣдника, не начинающаго, а у такого, который подвизался на своемъ поприщѣ уже 20 лѣтъ“ (153). Онъ учился даже произношенію. Въ дневникѣ А. В. Горскаго мы читаемъ слѣдующее. „25 марта 1832 года,—пишетъ А. В.,—былъ послѣ обѣда у Евѣимія Поликарповича..., читали съ декламаціею проповѣди студентовъ и дѣлали другъ другу замѣчанія на счетъ произношенія. Ему, Евѣ. Полик—чу, не нравится моя неровность въ повышеніи и пониженіи голоса“ (154). Интересны и тѣ страницы, на которыхъ авторъ раскрываетъ и излагаетъ заботы Архіеп. Евсевія о приготовленіи семинаристовъ (126), духовенства (116) и т. д., къ успѣшному проповѣдничеству.

Жалѣю, что авторъ спутанно излагаетъ гомилетическія воззрѣнія Архіеп. Евсевія (124 и др.), дѣлаетъ неполный анализъ его проповѣдей, о современности говоритъ слишкомъ кратко (249), не всюду устанавливаетъ достаточную связь послѣдующаго съ предшествующимъ (277), недостаточно полно и обстоятельно характеризуетъ Евсевія, какъ проповѣдника, сообщаетъ свѣдѣнія, неимѣющія близкаго отношенія къ дѣлу (106 сл.). Не хорошо и то, что излагаетъ содержаніе проповѣдей своими словами по рубрикамъ современной догматики (181 сл.). Вообще замѣчается, что тамъ, гдѣ авторъ работаетъ безъ всякихъ пособій, онъ разбирается не такъ успѣшно въ матеріалахъ и распланировкѣ ихъ, даже въ изложеніи, какъ тамъ, гдѣ онъ пишетъ при свѣтѣ и руководствѣ различныхъ источниковъ и пособій.

За свой трудъ авторъ можетъ быть удостоенъ степени кандидата богословія“.

36. Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Покровскаго Николая* на тему: „Праздникъ кущей по даннымъ Библии и свидѣтельствамъ вѣтвѣи-лейскимъ“:

„Сочиненіе г. Покровскаго представляетъ всестороннее изслѣдованіе объ обрядахъ праздника кущей въ Библейскія времена. Самъ авторъ опредѣляетъ методъ своей работы какъ соединеніе предварительнаго анализа съ послѣдующимъ синтезомъ (стр. 3). Согласно двумъ главнымъ разновидностямъ въ празднованіи кущей—обрядности времени существованія скинии и Соломонова храма и обычаямъ, привнесеннымъ въ храмовый ритуаль въ эпоху послѣплѣнную, рассмотрѣнное нами изслѣдованіе распадается на 2 главныхъ части, имѣющія свое дробное подраздѣленіе, по частнымъ предметамъ изученія. Трудъ г. Покровскаго является весьма тщательно составленною монографіею по вопросу, мало изслѣдованному доселѣ въ русской библейско-археологической наукѣ, при чемъ авторъ не только просмотрѣлъ т. н. пособія и курсы на русскомъ и главнымъ образомъ иностранныхъ языкахъ, но и серьезно изучалъ первоисточники науки, ознакомившись детально съ капитальнымъ Thesaurus antiquitatum sacrarum Уголино, разумѣется, въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ предмету его занятій. Рецензентъ труда г. Покровскаго выноситъ убѣжденіе, что авторъ только пополняетъ самостоятельно изученный и мастерски сгруппированный матеріалъ справками во вторыхъ источникахъ по вопросамъ науки, которые онъ не могъ сдѣлать предметомъ своихъ непосредственныхъ изысканій. Отсюда сочиненіе г. Покровскаго имѣетъ слѣдующія достоинства: 1) научная объективность самостоятельныхъ выводовъ автора, не примыкающаго по необходимости ни къ одному изъ западныхъ ученыхъ, 2) свѣжесть матеріала, представленнаго на страницахъ сочиненія, и 3) широко использованная возможность дать новое освѣщеніе наиболѣе спорнымъ литературно-археологическимъ даннымъ. Это общее впечатлѣніе полной удовлетворенности рецензента ни мало не колеблется частными недостатками сочиненія, вполне объясняемыми обширностью работы, приковавшей всё вниманіе автора къ непосредственному предмету его занятій и не давшей ему достаточно времени для экскурсовъ въ область еврейскихъ древностей, въ обширномъ смыслѣ этого понятія (древности культа и древности быта). Отсюда произошли слѣдующія несущественныя опущенія и небольшіе недосмотры. 1) Авторъ устанавливаетъ въ „введеніи“ общее положеніе, что археологъ долженъ для объясне-

нія фактовъ прошлаго отправляться отъ явленій настоящаго, тогда какъ въ приложеніи къ изучаемому имъ ритуалу праздника кущей этотъ приемъ безрезультатенъ: синагогальное Богослуженіе такъ уклонилось по необходимости отъ жертвеннаго ритуала второго Іерусалимскаго храма, что лишь немногія черты храмовой обрядности спорадически всплываютъ въ молитвенномъ культѣ синагоги. Самъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи почти совсѣмъ не касается синагогальной обрядности праздника кущей, если не считать краткихъ замѣчаній о „Симхатъ-Тора“, празднованіи, присоединенномъ къ днямъ кущей въ позднѣйшемъ іудействѣ. Разумѣется, было бы интересно установить и прослѣдить связь еврейскаго „Махзора“—служебника съ древне-еврейскою обрядностью жертвеннаго культа, но эта по существу кропотливая задача не могла, благодаря своему спеціальному характеру, занимать важнаго мѣста въ изысканіяхъ автора, изслѣдовавшаго обрядность кущей въ предѣлахъ Библейскихъ временъ. Здѣсь рецензентъ въ правѣ только говорить о своихъ *ria desideria*, но отнюдь не о *conditio sine qua non* работы. 2) При вполнѣ удовлетворительномъ экзегесисѣ изолированно и связно приводимыхъ Библейскихъ и внѣбиблейскихъ цитатъ авторъ во всемъ изслѣдованіи уклоняется отъ метрологическихъ изысканій, полезныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его работы, гдѣ сообщается казуистика построенія кущей или украшенія жертвенника всесоженія древесными вѣтвями: здѣсь мы встрѣчаемъ: кубиты, пальмы, ладони, вообще древнія антропометрическія мѣры, мало понятныя современному читателю, а потому требующія хотя бы приблизительнаго перевода въ современныя мѣры протяженія (стр. 378, 236—242, 293). 3) Присоединяя лишь какъ мозаическія вставки замѣчанія изъ области символики и ритуала древне-языческихъ культовъ семитическаго и арійскаго міра, авторъ мало интересуется вопросомъ о вліяніи быта евреевъ на ритуальныя праздниковъ въ доплѣнное и послѣплѣнное время, — а поэтому нѣкоторыя его объясненія генезиса ритуальныхъ добавленій въ празднованіи кущей послѣ плѣна—носятъ слѣды искусственности, напр. факельный танецъ во дворѣ женщинъ онъ склоненъ скорѣе параллелизировать съ священными плясками въ языческихъ культахъ (стр. 451 и 452), чѣмъ видѣть здѣсь бытовое явленіе древне-еврейской жизни,

т. н. Гиллулимъ, на каковое сближеніе могло наводить его самое обозначеніе праздника словомъ „Асифъ“ — собраніе плодовъ. Вообще синкретизмъ области культа и области быта въ позднѣйшемъ іудействѣ, уклоняющемся отъ первоосновъ Моисеева законодательства, авторомъ мало вскрытъ, тогда какъ этимъ явленіемъ всего проще объясняются т. н. акциденціи въ ритуалѣ втораго храма. 4) По мѣстамъ въ сочиненіи недостаетъ точнаго опредѣленія смысла выраженій Библейскаго подлинника и раввинической письменности. Такъ на стр. 150 этроги (плоды, носимые евреями въ рукахъ въ дни кущей) авторъ склоненъ помѣщать на вѣтвяхъ, тогда какъ слова подлинника „пери ецъ“ говорятъ только о плодахъ, не указывая на сучки или вѣтки; далеко не безспорна этимологія слова лулавъ на стр. 296—300; на стр. 388 ошибочно еврейское слово „равъ“ многій названо халдейскимъ прилагательнымъ, тогда какъ халдеизмъ въ этомъ случаѣ не въ выборѣ слова, но въ постановкѣ флексій жен. рода: алефъ вмѣсто обычнаго еврейскаго *he quiescens*; нельзя согласиться съ авторомъ, что еврейское и арамейское слово „Арава“ должно быть понимаемо въ смыслѣ обозначенія рѣчной вербы (*salix*), ибо по знатоку древне-еврейской ботаники „Löw“у (*Pflanzennamen. Leipzig, 1881*) верба, растущая при текучей водѣ, называется цафцафа, а арава—тополь (*populus*). Иногда авторъ оставляетъ безъ перевода и объясненія раввиническія выраженія, — такъ на стр. 214 тумтумъ (интенсивное тумъ) обозначеніе нечистаго въ половомъ отношеніи, реія на стр. 133, какъ указаніе на долгъ еврея увидѣть храмъ въ дни великихъ праздниковъ (3 регалимъ), малогранатъ на стр. 135—безъ нужды оставленный варваризмъ въ раввиническомъ языкѣ—гранатовое яблоко (*malum*). 5) Экзегесисъ въ сочиненіи г. Покровскаго, будучи плодомъ детальнаго изученія подлиннаго текста масоретской Библии, важнѣйшихъ переводовъ (LXX и Вульгата), святоотеческихъ истолковательныхъ твореній и древней и средневѣковой еврейской внѣбиблейской письменности, въ немногихъ мѣстахъ однако искусственно приспособляется къ доказательству апріорныхъ концепцій автора,—такъ мы не видимъ въ Нееміи 8, 16 никакихъ указаній на безыскусственность древнихъ кущей и стоящую съ ней въ связи быстроту ихъ сооруженія (стр. 158), на стр. 413—419 нѣсколько тенденціозно изъясняются Мас-

сифская жертва Самуила (1 Sam. 7, 6) и случай возліянія воды предъ Господомъ, совершеннаго Давидомъ (2 Sam, 23, 8—17), на стр. 396 авторъ принимаетъ раввинское изъясненіе обряда ударенія вѣтвями по жертвеннику всесоженія во время обхожденія его въ дни кущей, хотя это толкованіе болѣе чѣмъ условно. Однако, повторяемъ, эти и другія еще меньшія погрѣшности нимало не нарушаютъ общаго строга-научнаго изложенія взглядовъ автора,—онѣ—естественный lapsus въ обширной работѣ. Резюмируя содержаніе сочиненія г. Покровскаго, мы должны сказать, что отрывочныя данныя Пятикнижія и историческихъ Ветхозавѣтныхъ книгъ сгруппированы и систематизированы авторомъ такъ искусно, что въ работѣ данъ цѣлостный образъ празднованія кущей до плѣна Вавилонскаго, что же касается до микрологическихъ описаній обрядности праздника кущей въ послѣплѣнное время въ талмудѣ, то они изучены, изложены и освѣщены вполне удовлетворительно съ точки зрѣнія православнаго экзегета. Дробность изложенія (разумѣемъ многія рубрики въ сочиненіи), дающая возможность прослѣдить отдѣльно каждую ритуальную особенность въ празднованіи кущей отъ времени Моисея до эпохи разрушенія втораго Иерусалимскаго храма, дѣлаетъ сочиненіе г. Покровскаго хорошимъ справочнымъ пособіемъ для работающихъ въ области исторіи древне-еврейскаго культа. Поэтому мы находимъ всѣ данныя для признанія г. Покровскаго вполне заслуживающимъ присужденія ему степени кандидата богословія съ нарочитою похвалою его трудолюбію и научной любознательности“.

37. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Соколова о сочиненіи студента *Свавицкаго Павла* на тему: „Ульрихъ Цвингли, его жизнь и ученіе“:

„Сочиненіе г. Свавицкаго, кромѣ краткихъ предисловія и введенія, гдѣ рѣчь идетъ объ источникахъ и планѣ работы, состоитъ изъ двухъ частей, подраздѣленныхъ на главы. Предметомъ первой части служитъ жизнь и дѣятельность Цвингли, а второй—система его вѣроученія.

По собственному заявленію автора, трудъ его „составленъ исключительно на основаніи нѣмецкихъ пособій“, а именно монографій и изслѣдованій: Христофелля, Морикофера. Целлера, Рёдера, Шмейцера и Губеля. Нужно впрочемъ за-

мѣтить, что въ этомъ заявленіи авторъ обнаруживаетъ нѣсколько чрезмѣрную скромность, такъ какъ его работа утверждается не только на нѣмецкихъ пособіяхъ, но и на тщательномъ изученіи нѣсколькихъ сочиненій самаго Цвингли, а именно тѣхъ, которыя изданы на современномъ нѣмецкомъ языкѣ и помѣщены въ приложеніяхъ къ нѣкоторымъ изъ находившихся подъ руками автора изслѣдованій. Авторъ лишь не принялъ на себя труда изучить всѣ сочиненія Цвингли, что вовсе ему въ обязанность не вмѣнялось и не могло быть вмѣнено при ограниченности срока, назначаемого для кандидатскихъ сочиненій.

Краткая заключительная часть сочиненія (стр. 344—354) даетъ общій взглядъ на характеръ Цвингли, какъ реформатора, и на его значеніе въ исторіи реформаціи.

Свою задачу авторъ выполнилъ съ достаточнымъ успѣхомъ. Первая часть сочиненія даетъ читателю довольно обстоятельную картину жизни и дѣятельности Цвингли, и если можно чего пожелать здѣсь, то лишь нѣсколько болѣшей полноты въ изложеніи предмета. Картина эта, безъ сомнѣнія, только выиграла бы, если бы авторъ не слишкомъ скупился въ сообщеніи біографическихъ свѣдѣній,—далъ бы напр. обстоятельный очеркъ тѣхъ политическихъ и бытовыхъ условій, среди которыхъ дѣйствовалъ его герой, и сообщилъ побольше свѣдѣній о его личной жизни и свойствахъ характера.

Вторая часть сочиненія представляетъ собою очень стройный и серьезно-продуманный очеркъ своего предмета. Особенный интересъ придаетъ этой части стремленіе автора изложить систему Цвингли, какъ послѣдовательное развитіе одной основной идеи, и провести параллель этой системы съ ученіемъ Лютера. Свое изложеніе авторъ обильно снабжаетъ выдержками изъ источниковъ, что придаетъ ему болѣшую основательность. Переводъ этихъ выдержекъ у автора, хотя и не всегда отличается безусловною точностію, никогда однакоже не измѣняетъ мысли подлинника и, повидимому, на него всегда можно положиться съ увѣренностію.

Какихъ-либо мелкихъ ошибокъ въ частностяхъ въ сочиненіи г. Свавицкаго почти совсѣмъ не встрѣчается. Я могъ замѣтить ихъ лишь на стр. 35 и 144, гдѣ авторъ поселилъ Цвингли въ монастырь и далъ ему несуществующую мона-

стырскую должность (вмѣсто должности приходскаго священника въ приходѣ, зависѣвшемъ отъ монастыря), или заставилъ цюрихцевъ стоять во время богослуженія, чего, какъ извѣстно, на западѣ вообще не полагается.

Языкъ сочиненія легкій и литературный.

Для присужденія автору степени кандидата богословія признаю сочиненіе г. Свавицкаго вполне удовлетворительнымъ“.

38. Преосвященнаго Ректора Епископа Евдокима о сочиненіи студента *Соколова Алексѣя* на тему: „Епископъ Теофанъ-Затворникъ, какъ проповѣдникъ“:

„Личность святителя-затворника давно сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе многихъ. Въ короткое время о святителѣ-затворникѣ возникла такая обширная литература, какая не всегда выпадаетъ на долю извѣстнѣйшихъ писателей и выдающихся дѣятелей. Г. Соколовъ взялъ на себя трудъ живописать святителя, какъ архипастыря-учителя. Авторъ съ замѣчательною любовью, поразительною тщательностью, кропотливостью шелъ къ намѣченной имъ задачѣ. Онъ не только перечиталъ всю обширную литературу о святителѣ-затворникѣ, но и сумѣлъ достать изъ различныхъ книгохранилищъ еще нѣкѣмъ неизданныя и необслѣдованныя произведенія умершаго святителя.

Результатомъ годичнаго усидчиваго, кропотливаго, тщательнаго труда явилось обширное сочиненіе о Теофанѣ-Затворникѣ, какъ проповѣдникѣ, сочиненіе, представляющее собою 625 стр. мелкаго письма. Вотъ краткій обзоръ этого сочиненія.

Во введеніи авторъ говоритъ о „глубокомъ впечатлѣніи, какое произвела на всѣхъ смерть святителя, живыхъ откликахъ русскаго общества по поводу этой смерти, современномъ интересѣ къ личности умершаго какъ въ общекультурномъ отношеніи, такъ и въ спеціально гомилетическомъ“ (1—22). Въ первой главѣ предлагается вниманію читателя біографія преосвящ. Теофана, общая характеристика его натуры, постепенный ростъ и развитіе того міросозерцанія, какимъ онъ жилъ впослѣдствіи, говорится о вліяніи на него выдающихся проповѣдниковъ и учителей церковнаго краснорѣчія, въ особенности Я. К. Амфитеатрова. Подъ вліяніемъ лекцій и частныхъ одушевленныхъ бесѣдъ послѣдняго, по-

степенно сложился идеалъ проповѣди преосвященнаго какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

Во второй главѣ авторъ излагаетъ „церковно-учительную дѣятельность Епископа-Затворника“, взгляды его на проповѣдь, отзывы свѣтскихъ и духовныхъ лицъ о его проповѣднической дѣятельности. Авторъ собралъ въ этой и слѣдующей главахъ не мало весьма любопытныхъ данныхъ относительно проповѣди. „Особенность моихъ проповѣдей та, пишетъ Теофанъ, что онѣ не сочиняемы. Обычно бывало вечеромъ, послѣ всенощной, выпью стаканъ чаю, прочитаю евангеліе завтрашнее, потомъ Апостоль.... и какая мысль впадетъ и займетъ вниманіе и сердце, ту беру въ тему.... и проповѣдь тамъ внутри ужъ сама собой строится. Часъ, полтора, много два.... и проповѣдь готова... Утромъ прочитаешь, немножко подладишь... Это писанные экспромпты; какъ они не изъ головы шли, то и представляютъ подслащенное нѣчто“ (110—111 стр.). Слово учительное святитель Теофанъ опредѣлялъ очень широко... „Слово Божіе, говорилъ онъ, доходить до нашего слуха многообразно. Оно неумолчно слышится въ храмахъ, на всякомъ богослуженіи, и внѣ храмовъ, во всякомъ чинѣ церковномъ; оно—въ пѣніяхъ и въ пѣсняхъ церковныхъ; оно — въ проповѣдяхъ отеческихъ и во всякой душеполезной книгѣ; оно—въ душеспасительныхъ бесѣдахъ и ходячихъ назидательныхъ изреченіяхъ, оно—въ школахъ, картинахъ и всякомъ видимомъ предметѣ, представляющемъ духовныя истины. Судя по сему мы объята словомъ Божимъ, оглашаемся имъ со всѣхъ сторонъ. Отовсюду идутъ къ намъ гласы трубные на разореніе твердынь грѣха, какъ стѣны іерихонскихъ. Во всѣхъ сихъ видахъ слово Божіе уже показало и постоянно показываетъ свою побѣдоносную надъ сердцемъ человѣческимъ силу“ (122—123 стр.). Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ одной барынѣ. „Если вы сыграете на фортепiano или споете что-либо такое, что западетъ на душу слушающихъ и заставитъ ихъ вздохнуть ко Господу, или вознестись къ Нему съ славословіемъ и благодареніемъ, то вы то-же сдѣлаете, что дѣлаетъ хорошій проповѣдникъ въ церкви“ (126—127 стр.) и т. д. Или вотъ еще примѣръ. „У насъ вся бѣда отъ сборовъ писать, пишетъ Теофанъ. Помните, сначала я мало говорилъ.... именно отъ того, что думалось проповѣдь писать.... тоже,

что квигу сочинять. Такъ мы всё думаемъ“ (167 стр.). „Преосвященный Серафимъ говорилъ мнѣ: да что долго думать надъ темой; сѣлъ да и написалъ за одинъ присѣсть. Я никакъ не вѣрилъ, чтобы можно было такъ. Потомъ какъ то самому стало досадно, что не говорю проповѣдей... Пришелъ отъ всенощной и ну писать, что напишется... Кажется, это была проповѣдь о любви къ Богу. За обѣдней съ робостью началъ говорить... Ничего... сошла съ рукъ. Потомъ и въ другой разъ, тоже и въ третій, и пошло такъ. И всё проповѣди Тамбовскія за исключеніемъ 3—4-хъ такого происхожденія. Вечеромъ послѣ всенощной писаны... Это я затѣмъ рассказываю, что пока не придетъ мой преемникъ къ мысли писать за одинъ присѣсть, не ждите проповѣдей. Столкните его на эту колею. Увидите, какъ пойдетъ. Проповѣдничество всякое удовольствіе доставляетъ“ (185—186 стр.). Епархіальная дѣла преосвящ. Теофанъ называетъ „пустенькими“, только проповѣдь дѣломъ важнымъ, „обязательствомъ, свыше ему опредѣленномъ“ (189 стр.). Жалуется преосвященный, что „некогда составлять проповѣди... кое какъ скропаешь.... и выходить (по его строгому къ себѣ суду) мишурно и пусто... Что дѣлать? Такова наша служба. За то, съ великимъ удовольствіемъ отмѣчаетъ дальше онъ, другіе говорятъ... Есть добрые проповѣдники и охотники. Одинъ священникъ, профессоръ семинаріи, каждую всенощную говоритъ бесѣды, а по другимъ церквамъ читаютъ печатное. Епархія то не худая...“ (198 стр.). Отъ духовенства онъ настоятельно требуетъ самаго внимательнаго отношенія къ великому дѣлу церковнаго учительства. Указываетъ, что и какъ они должны проповѣдывать. Усердныхъ священниковъ награждаетъ „архипастырскимъ благословеніемъ“, „набедренниками“ и т. д. (199 стр.). Нерадивыхъ наказываетъ. Такъ въ Тамбовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ за 1861—2 г. (№ 25) мы читаемъ: „священника Свѣтлова, безъ уважительныхъ причинъ не говорившаго ни одного поученія въ теченіи цѣлаго полугодія, оштрафовать на вдовъ и сиротъ духовнаго званія на 6 р. серебромъ и пропечатать не говорившаго поученій въ Вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію по Епархіи“ (200 стр.).

Заботясь о правильной постановкѣ проповѣдничества, святитель учреждаетъ должности постоянныхъ проповѣдниковъ. Вотъ что въ свое время писали объ этомъ. „Благодаря про-

свѣщенной заботливости нашего Архипастыря у насъ въ Тамбовѣ началось съ недавняго времени нарочитое еженедѣльное проповѣдованіе слова Божія. Оно совершается по субботнимъ и воскреснымъ днямъ, во время всенощнаго и вечерняго богослуженія... Это нарочитое проповѣданіе, порученное двумъ образованнымъ священникамъ, по своей новости, сначала казалось страннымъ, и трудно было поручиться за успѣхъ его. Но доброму дѣлу Богъ помогаетъ. Поученія священниковъ такъ понравились публикѣ, что она въ означенные дни съ усердіемъ спѣшитъ въ тѣ храмы, гдѣ они произносятся. Утѣшительно, что люди всѣхъ сословій, обоего пола съ великимъ сочувствіемъ встрѣтили новое доброе дѣло... При звукѣ вечерняго колокола, густая толпа гуляющаго народа вдругъ начинаетъ рѣдѣть, благовѣсть церковный напоминаетъ о вечернемъ проповѣдникѣ, и вотъ многіе, даже весьма многіе, оставляютъ народное зрѣлище и спѣшатъ въ соборъ въ слѣдъ архипастыря, который каждый разъ самъ присутствуетъ при сказываніи поученій. Слышно, что въ облегченіе священниковъ Сладкопѣвцева и Хитрова, преосвященный назначаетъ двухъ новыхъ. Дай Богъ, чтобы это проповѣданіе продолжалось надолго. Дай Богъ“ (201—203).

Свои взгляды на проповѣдничество преосвященный проводитъ въ Еп. Вѣдомостяхъ. Самъ слѣдитъ за Епархіальными Вѣдомостями, помѣщая въ каждомъ изъ нихъ большею частію не менѣе двухъ проповѣдей. Одна проповѣдь была святоотеческая, а другая, произнесенная или имъ самимъ или кѣмъ либо изъ выдающихся Тамбовскихъ пастырей. Въ каждомъ номерѣ Вѣдомостей онъ помѣщалъ изреченія старцевъ подвижниковъ и нравоучительные случаи изъ ихъ жизни, служившіе темами для проповѣдей и располагавшіе читателя къ вѣрѣ и благочестію. Для пробужденія духа пастырской и проповѣднической попечительности о народѣ онъ печатаетъ извѣстное описаніе жизни Св. Тихона Задонскаго, по запискамъ келейника послѣдняго Чеботарева. Груститъ онъ по поводу печальнаго разобщенія духовенства съ народомъ, въ которомъ (разобщеніи) не несправедливо усматриваетъ одну изъ причинъ бездѣйственности духовенства въ учительномъ отношеніи. Мало того, въ тѣхъ же Епарх. Вѣдом. онъ помѣщаетъ свой гомилетическій трактатъ

татъ подъ заглавіемъ: „Какъ составить проповѣдь“ (207). Дѣятельно заботится объ образованіи духовенства и народа (209 стр.), преслѣдуя все однѣ и тѣ же цѣли — воспитать всѣхъ въ духѣ Церкви.

Съ перемѣщеніемъ на Владимірскую кафедру преосвящ. Теофанъ, кажется, еще болѣе сталъ заботиться о развитіи проповѣдничества. Во вступительной рѣчи онъ молится о „непрерывномъ проповѣданіи и руководствѣ“. А въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: „народъ тутъ будто хорошъ... Дивятся только... Съ самаго пріѣзда доселѣ еще ни одной службы не было безъ проповѣди.... и слушаютъ“. Объ этомъ свидѣтельствовали и со стороны. Вскорѣ по пріѣздѣ его во Владиміръ, въ одинъ изъ Московскихъ духовныхъ журналовъ писали: „Преосвящ. Теофанъ произвелъ впечатлѣніе на здѣшнее общество своими проповѣдями. Каждое служеніе свое онъ сопровождаетъ архиастырскою своею бесѣдою“. Въ теченіе одного 64-го года онъ произноситъ 74 проповѣди, при чемъ на мартъ падаетъ 9 проповѣдей, а на августъ даже 11. Менѣе чѣмъ въ три года онъ произноситъ 138 проповѣдей (211 стр.). Для поднятія дѣла церковнаго учительства преосвященный составляетъ особую обширную любопытную инструкцію, въ которой точно опредѣляетъ: что, когда, гдѣ, кто долженъ проповѣдовать. Инструкція различаетъ катихизическія поученія и обыкновенное проповѣданіе слова Божія (§ 1). Временами для произношенія катихизическихъ поученій назначается всеобщая между двумя отдѣленіями шестопсалмія... Для сего въ соборахъ градскихъ разрѣшается и въ зимнее время пѣть всеобщее съ вечера (§ 4). При составленіи проповѣдей пастыри должны пользоваться преимущественно проповѣдями Св. Іоанна Златоустаго и Тихона Задонскаго (§ 10). Какъ одному катихизатору круглый годъ представлять поученія затруднительно, то назначать въ одномъ мѣстѣ по два, по три, а гдѣ можно и болѣе на каждый годъ (§ 12). Избранные катихизаторы раздѣляютъ между собою предметы поученій: одинъ беретъ догматическую часть, другой нравственную и т. д. (§ 13). Кончивъ свой отдѣлъ поученій и смѣняясь другимъ, катихизаторъ тотчасъ присылаетъ свои поученія на просмотръ въ Цензурный Комитетъ (§ 15). Мѣстный протоіерей, а въ малыхъ городахъ и посадахъ старшій священникъ наблю-

даеть, чтобы катихизическія поученія произноси́мы были неопустительно каждое воскресеніе. Для сего онъ ведетъ журналъ, отмѣчая въ немъ, кто, когда, о чемъ говорилъ и кѣмъ, когда и почему слѣлано опущеніе (§ 16). О поученіяхъ. „Въ каждое воскресеніе, въ каждый значительный церковный праздникъ, особенно въ Св. Четырдесятницу предлагать прихожанамъ поученіе есть непремѣнный долгъ каждаго приходскаго священника (§ 17). Слѣдующій § раскрываетъ подробно, о чемъ долженъ пастырь говорить и какими руководствами, пособіями, готовыми сборниками можетъ при этомъ пользоваться (§ 18). Главное дѣло приходскаго священника — вникать въ духовныя нужды своихъ прихожанъ, искоренять мѣстные пороки и дурныя привычки, наприм., пьянство, сквернословіе, грубое и жестокое обращеніе въ семействѣ и т. п. (§ 19). Способные діаконы, а также сельскіе учителя не только могутъ, но и обязаны помогать священнику въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія (§ 21). Ревностные въ дѣлѣ проповѣди приходскіе священники, также діаконы и сельскіе учителя будутъ всегда въ особенномъ вниманіи у Епархіальнаго Начальства; а небрежные въ этомъ священномъ дѣлѣ будутъ подвергаться со стороны Начальства законнымъ взыска́ніямъ и штрафамъ (§ 24). *Престарѣлые священники, имѣющіе свыше 50 лѣтъ, могутъ быть свободны отъ составленія собственныхъ поученій, но не освобождаются отъ обязанности учить своихъ прихожанъ чрезъ неопустительное прочитываніе печатныхъ поученій (§ 26).* Всѣ сельскіе священники освобождаются отъ очередныхъ проповѣдей въ городскихъ Соборахъ, такъ какъ исполненіе этой обязанности, не принося слушателямъ существенной пользы, соединено для сельскихъ священниковъ съ большими затрудненіями (§ 27). Для наблюденія за успѣшнымъ ходомъ проповѣдничества и для руководства въ немъ учреждается особый Цензурный Комитетъ при Духовной Консисто́ріи (§ 29). Обязанности Комитета: назначать для всѣхъ мѣстъ катихизаторовъ, разсматривать представленныя катихизическія поученія и проповѣди, постановлять свое мнѣніе о достоинствѣ и недостаткахъ ихъ, а также и о мѣрахъ къ устраненію послѣднихъ, слѣдить за неопустительнымъ исполненіемъ катихизаторами и всѣми священниками проповѣднической ихъ обязанности (§ 30).

Не нужно много говорить о томъ, какъ глубоко затронула эта инструкція духовенство, прежде мирно почивавшее... Явились пастыри, слѣдовавшіе рабски этой инструкціи, явились и протестанты. Въ Епарх. Вѣдом. начинается оживленная переписка по вопросамъ проповѣдованія слова Божія, возникаетъ даже особый отдѣлъ (§ 3), который цѣликомъ исключительно занимается гомилетическими вопросами. Тутъ помѣщаются и проповѣди, и совѣты, и указанія молодымъ неопытнымъ проповѣдникамъ и т. д. (224 стр.). Здѣсь вы встрѣтите и живой обмѣнъ мыслями различныхъ пастырей все по тѣмъ же вопросамъ проповѣдничества (228 стр.). Такъ одинъ пишетъ: „что бы намъ придумать, чтобы съ одной стороны имѣть болѣе возможности составлять собственныя поученія на языкѣ простомъ, народномъ, общепонятномъ; а съ другой отстать отъ привычки говорить народу поученія послѣ батюшки, или дядюшки, или дѣдушки (230 стр.)... Для усиленія проповѣдничества Владыка открываетъ братства (232—233 стр.).

Заботы преосвященнаго о поднятїи проповѣдничества не остались безплодными. Въ одномъ изъ своихъ поученій онъ радостно восклицаетъ: „нынѣ и мы въ свѣтѣ лица Божія ходимъ и о имени Его радуемся. Слава Тебѣ, Господи. Какъ вѣдаете, вѣра Христова, которая и есть свѣтъ Христовъ, господствуетъ у насъ. Всюду храмы Божии, всюду святое богослуженіе и проповѣдь слова Божія слышится свободно“ (234 стр.).

И въ своихъ проповѣдяхъ святитель-затворникъ весьма часто призываетъ подвѣдомственное ему духовенство къ неопустительному проповѣдованію слова Божія, мотивируя этотъ призывъ самыми разнообразными доводами. „Проповѣдники истины—уста іереевъ Божіихъ“. Замѣчательно изображаетъ онъ внутреннюю психологическую необходимость для іереевъ проповѣданія этой Божественной истины. Если уста іереевъ служатъ проводниками ея, то „кто изъ нихъ затворяетъ уста свои, тотъ преграждаетъ путь истинѣ, просящейся въ души вѣрующихъ. Отъ того и души вѣрующихъ томятся, не получая истины, и сами іереи должны ощущать томленіе отъ истины, которая, не получая исхода, тяготитъ ихъ. Облегчися же, іереи Божїи, отъ сей тяготы, испусти потоки Божескихъ словъ въ отраду себѣ и въ оживленіе вѣрренныхъ тебѣ душъ. Когда же увидишь, что и у тебя самого вѣтъ

истины, возьми ее: она въ св. писаніяхъ и, исполняясь ею, препровождай ее къ дѣтямъ твоимъ духовнымъ; только не молчи“ (252). Пастыри - учителя на землѣ занимаютъ даже какъ бы мѣсто Бога (268). Они на учительство посланы, какъ и самъ Христосъ. Проповѣдь—единственный садовый ножъ въ рукахъ дѣлателей винограда Божія (272 стр.). Воздѣйствовать на паству проповѣдникъ прежде всего можетъ „не иначе, какъ черезъ проповѣдь слова Божія; ибо у насъ одно это оружіе“ (272 стр.). Вотъ почему святитель такъ дорожитъ этимъ правомъ; ради сохраненія его онъ готовъ пожертвовать всѣми другими. „Пусть возьмутъ всѣ права, говорить онъ, и оставятъ одну свободу не стѣсняясь говорить по пастырски“ (273 стр.). Для него проповѣдь—„священнодѣйствіе слова“. „Слово есть могущественное средство помогать ближнему. Въ немъ душа выходитъ сочетаясь съ другою, силы ему придаетъ“ (391 стр.). „Торжество пастырей не въ видимомъ блескѣ безъ силы, а во внутренней силѣ ихъ слова надъ другими пасомыми“.

Но для этого пастырю необходимо „стать святымъ, перенести Евангеліе на скрижали своего сердца, загорѣться тѣмъ огнемъ, какой хотѣлъ вобрести на землю Христосъ“. „Того не сообщись другимъ, чего самъ не знаешь“. (394 стр.). „Назидать или созидать другихъ можетъ только тотъ, кто самъ возсозданъ, чей умъ свѣтло созерцаетъ истины, чье сердце согрѣто теплою любовію къ симъ истинамъ“. „Истину можно сказать только по опыту, по вкушеніи только духовныхъ благъ самымъ дѣломъ“. „Проповѣднику нужно быть очевидцемъ Божественной истины, свидѣтелемъ ея (395 стр.). „Проповѣднику нужно постоянно слышать голосъ Божій въ своей душѣ“. „Недостатокъ же такого настроенія ничѣмъ не можетъ быть замѣненъ. Проповѣдь умная, вооруженная всѣми способами риторики къ возбужденію страстей, къ пораженію воли, къ увлеченію сердца и всѣми граціями словесной эстетики останется проповѣдью холодною, безсильною, пустозвучащею. Это будетъ пустоцвѣтъ, немогущій дать плода“. „Слово, исходящее изъ духа благонастроеннаго, и безъ внѣшнихъ средствъ риторики будетъ назидательно. Или лучше въ немъ то и есть источникъ исключительно истиннаго краснорѣчія, а не во внѣшнихъ приѣмахъ“. (398). „Чтобы вести другихъ, надобно видѣть всѣ

распутія, опытно знать ихъ, и знать, какъ они отклоняются. А для сего надобно стоять на нѣкоторой высотѣ, съ коей можно было бы обозрѣвать и всѣ пути и всѣхъ идущихъ, и того между ними, кто ввѣрился“ (399). „Когда кто самъ не уврачевавшись другихъ врачевать хочеть, тогда и врачъ, и врачуемый въ прелесть пагубную впадаютъ, и увеличиваютъ свою проказу взаимно, а не врачуются, подобно, какъ если слѣпецъ слѣпца поведеть, то оба въ яму впадутъ“ (401 стр.).

По мнѣнію преосвящ. Теофана, много мѣшаетъ дѣлу успѣшнаго прохожденія служенія благовѣствованія современный церковный строй. „Будь неладенъ тотъ, пишетъ святитель, кто разъединилъ и разбилъ древній добрый союзъ членовъ церкви, такъ вождедѣнный для блага нашего. О соединеніи всѣхъ Господу помолимся. Чего у насъ нѣтъ? Одно изъ величайшихъ золъ — полицейская и приказническая форма въ дѣлахъ церковныхъ. Она всѣхъ охватила и всѣхъ закалила сѣвернымъ холодомъ, и жизнь замерла. Присмотритесь: у насъ нѣтъ отцовъ въ церкви.... а что то страшное, надзирательное, судебное. Потому отъ отцовъ не течеть къ дѣтямъ свѣтъ и тепло—и дѣти стоятъ спиною къ отцамъ“ (403 стр.).

Къ великому моему прискорбію, я не имѣю возможности познакомить читателей съ остальною частью сочиненія, написанной съ такимъ же тщаніемъ и искусствомъ, какъ и первая. За свой трудъ авторъ заслуживаетъ искомой имъ степени исполнѣ“.

39. Заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Старокадомскаго Григорія* на тему: „Ученіе Апостола Павла о бракѣ и дѣвствѣ въ VII главѣ 1-го посланія къ Коринѣянамъ“:

„Посвященная послѣдовательному и подробному истолкованію VII главы 1-го посланія къ Коринѣянамъ, работа исполнена на основаніи тщательнаго изученія иностранныхъ и русскихъ пособій, свидѣтельствуетъ о хорошей подготовкѣ къ пользованію современнымъ филологическимъ аппаратомъ научнаго экзегеса, обнаруживаетъ во многихъ случаяхъ пронизательность и тонкость экзегетическаго анализа, при постоянной основательности соображеній и строгомъ православіи взглядовъ, написана языкомъ краткимъ и отчетливымъ, почему и заслуживаетъ полнаго одобренія“.

40. Заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Судакова Ивана* на тему: „Сшествіе Святаго Духа въ день Пятидесятницы“:

„Въ своемъ сочиненіи авторъ даетъ послѣдовательный комментарий на вторую главу книги Дѣяній, болѣе подробно задерживаясь на разборѣ гипотезы Jüngst'a объ источникахъ книги, примѣнительно именно къ толкуемой главѣ,—и на рѣшеніи вопроса о дарѣ языковъ. Во всѣхъ разсужденіяхъ и толкованіяхъ авторъ стоитъ на строго-православной почвѣ,—онъ основательно изучилъ лучшія новѣйшія пособія экзегетическія и умѣло ими воспользовался, обнаруживъ достаточную подготовку къ пользованію филологическими данными современнаго научнаго экзегеса (но въ перепискѣ встрѣчаются безграмотности),—изложение, хотя и не вполне обработанное, но правильное, ясное и дѣловое. Работа не только достойна кандидатской степени, но и заслуживаетъ полнаго одобренія“.

41. Экстраординарнаго профессора Василия Мышцына о сочиненіи студента *Шарапова Алексѣя* на тему: „Вторая книга Ездры (историко-критическое введеніе въ книгу):

„Послѣ краткаго вступленія, въ которомъ авторъ устанавливаетъ планъ своей работы и указываетъ бывшія у него подъ руками пособія, онъ въ первой главѣ (стр. 29—99) изслѣдуетъ текстъ книги. Въ виду близкой, по мѣстамъ даже буквальной зависимости Археологіи Юсифа Флавія отъ 2-й книги Ездры по греческому ея тексту, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что греческій текстъ ея къ I вѣку по Р. Хр. вошелъ уже во всеобщее употребленіе. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было свидѣтельствъ объ еврейскомъ текстѣ этой книги теперешній греческій ея текстъ признается авторомъ за первоначальный. Гораздо труднѣе однако вопросъ, въ зависимости отъ какого текста (еврейскаго или греческаго) каноническихъ книгъ Ездры и Нееміи стоитъ разсматриваемая книга, въ большей своей части, какъ извѣстно, представляющая собою компиляцію этихъ книгъ. Авторъ не соглашается съ Тренделенбургомъ, признающимъ еврейскую книгу Ездры и Нееміи въ основѣ второй книги Ездры, и вслѣдъ за Кеилемъ утверждаетъ, что послѣдняя составлена по александрійскому переводу каноническихъ книгъ. Во второй главѣ (100—255 стр.) авторъ даетъ ана-

лишь содержанія изслѣдуемой имъ книги. Что начало и конецъ книги введено ex abrupto, авторъ объясняетъ не тѣмъ, что вторая книга Ездры есть лишь часть цѣлаго сочиненія, составлявшаго параллель ко всѣмъ историческимъ книгамъ (какъ думаютъ Тренделенбургъ и Польманнъ), а намѣреніемъ автора написать исторію іерусалимскаго храма отъ послѣдней эпохи легальнаго культа до окончанія постройки новаго храма и возобновленія въ немъ богослуженія. Изъ содержанія второй книги Ездры авторъ анализируетъ лишь тѣ отдѣлы, которые являются самостоятельными по сравненію съ каноническими книгами. Разсматривая письмо Раѣима и Самеллія, авторъ доказываетъ, что подъ Ахасверошемъ и Артахшастомъ слѣдуетъ разумѣть Ксеркса и Артаксеркса, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему это письмо занимаетъ различное и въ обоихъ случаяхъ неправильное положеніе въ первой и второй книгахъ Ездры. Касаясь легенды о Зоровавелѣ, авторъ выясняетъ происхожденіе ея на іудейской, собственно александрійской, почвѣ и доказываетъ тождество Шешбацара съ Зоровавелемъ. На основаніи анализа апокрифическаго отдѣла 2 кн. Ездры и другихъ ея отступленій отъ каноническихъ книгъ авторъ утверждаетъ, что книгу въ ея теперешнемъ видѣ нельзя признать за исторически-достоверную и что содержаніе ея, поскольку оно противорѣчитъ каноническимъ книгамъ, должно быть отвергнуто, какъ неправдоподобное. Въ третьей главѣ (стр. 256—305) авторъ разсуждаетъ о происхожденіи 2 кн. Ездры. По мнѣнію автора, составителемъ ея былъ іудей эллинистъ, жившій въ Египтѣ во II или I в. до Р. Хр. и имѣвшій цѣлью исторически оправдать мысль о ненарушимости и вѣчности храмоваго культа. Въ заключеніи (стр. 306—322) авторъ говоритъ объ исторической судьбѣ 2 кн. Ездры.

Предметъ изслѣдованія г. Шарапова не обширный. Онъ заключается собственно въ анализѣ 2—3 главъ и въ вопросѣ объ оригиналѣ книги. Это дало автору возможность воспользоваться для своей работы всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который онъ нашелъ въ академической библиотекѣ имѣющимъ отношеніе къ его предмету. Пользуется имъ онъ вполне умѣло и сознательно, подвергая иногда самостоятельной проверкѣ существующіе въ иностранной литера-

турѣ взгляды ученыхъ. Особенно удачно разработана та часть сочиненія, которая касается содержанія книги и носитъ характеръ исторической критики. Менѣ полно и тщательно изслѣдована критико-текстуальная сторона памятника. Онъ разбираетъ доводы Тренделенбурга и приводитъ примѣры, убѣждающіе его въ противоположномъ взглядѣ, но для болѣе безпристрастнаго рѣшенія вопроса слѣдовало сдѣлать самостоятельное тщательное сравненіе текста 2 книги Ездры съ еврейскимъ и греческимъ текстами первой кн. Ездры на всемъ ея протяженіи съ детальнымъ анализомъ каждаго отступленія перваго отъ вторыхъ.

Впрочемъ и въ этомъ видѣ сочиненіе автора даетъ ему полное право на полученіе кандидатской степени“.

42. Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Ястребцева Михаила* на тему: „Эсхатологическія воззрѣнія на Руси въ XV—XVII вв. въ связѣ съ возникновеніемъ раскола“:

„Обширное сочиненіе г. Ястребцева, кромѣ небольшого и— по его собственному замѣчанію—„можетъ-быть, совершенно излишняго предисловія“, состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Онѣ озаглавлены: іудейская эсхатологія (стр. 9—44), краткая исторія эсхатологіи первыхъ вѣковъ христіанства до паденія Рима (стр. 45—137), византійская эсхатологія (стр. 138—238), русская эсхатологія (стр. 239—282), ожиданіе кончины міра въ седьмой тысячѣ лѣтъ (стр. 283—338), русскія эсхатологическія чаянія 16-го столѣтія (стр. 339—381), развитіе русскаго религіознаго и политическаго самосознанія (стр. 382—466), краткій историческій очеркъ возникновенія и развитія взгляда русскихъ на папу, какъ врага православія и предтечу антихриста (стр. 467—521), происхожденіе взгляда на папу, какъ предтечу антихриста, въ юго-западной Руси (стр. 522—556), возникновеніе эсхатологическихъ чаяній въ смутное время (стр. 557—580), эсхатологическое теченіе 40-хъ годовъ 17-го столѣтія (стр. 581—642) и происхожденіе раскольнической эсхатологіи (стр. 643—702). Содержаніе каждой главы подробнѣе указано въ конспектѣ, помѣщенномъ въ началѣ ея.

Уже изъ этого оглавленія разсматриваемой работы не трудно видѣть, что составитель ея очень широко раздвинулъ рамки своего изслѣдованія, удѣливши не менѣ трети

его разысканіямъ и справкамъ, имѣющимъ лишь подготовительное значеніе для данной темы. Само собою понятно, что избѣжать этихъ предварительныхъ разъясненій и указаній не было никакой возможности; но едва ли была неустрашимая необходимость вдаваться и въ столь подробное изложеніе послѣдовательнаго видоизмѣненія эсхатологическихъ идей до перехода ихъ на русскую почву,—тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи автора не имѣлось данныхъ для пополненія уже содержащихся въ литературѣ этого предмета фактическихъ сообщеній и выводовъ. Излишекъ достаточно общеизвѣстныхъ подробностей не разъ даетъ себя чувствовать и въ дальнѣйшихъ главахъ сочиненія, увеличивая его объемъ безъ увеличенія цѣнности самаго изслѣдованія. Можно думать, что послѣднее значительно выиграло бы, если бы авторъ, вмѣсто чрезмѣрно усерднаго накопленія детальныхъ указаній, имѣющихся и у его предшественниковъ, удѣлилъ болѣе вниманія анализу извѣстныхъ ему фактовъ и мнѣній, высказанныхъ по поводу ихъ. Это, безъ сомнѣнія, дало бы ему возможность установить болѣе правильное отношеніе къ нѣкоторымъ своимъ первоисточникамъ (напр., такъ наз. книгамъ сивилль, очень часто упоминаемымъ въ первыхъ трехъ главахъ сочиненія), избѣжать некритическаго пользованія ими, не достаточно основательныхъ замѣчаній (стр. 55, 252 и др.) и такого способа цитации, который позволяетъ предполагать кое-гдѣ заимствованія изъ вторыхъ рукъ (напр., стр. 146). Та же погоня за полнотою фактическаго содержанія сочиненія неблагоприятно отразилась по мѣстамъ и на его внѣшней, литературной обработкѣ—шероховатостями стиля (стр. 51, 58, 88, 148, 206, 478), для устраниенія которыхъ, очевидно, не осталось времени въ распоряженіи автора. Но отмѣчая присутствіе въ его трудѣ указанныхъ недостатковъ, нельзя не признать и того, что это не отнимаетъ у сочиненія г. Ястребцева значеніе работы очень серьезной и обладающей большими достоинствами. Оно написано по широко задуманному и хорошо выдержанному плану, дававшему возможность исчерпать поставленный вопросъ съ желаемою полнотою, не оставляя незатронутымъ ни одного изъ историческихъ условий, имѣвшихъ значеніе въ развитіи русской эсхатологіи XV—XVII вв. Обширная цитация автора убѣдительно го-

ворить о его интересѣ къ предмету изслѣдованія и выдающемся трудолюбіи, а усвоенные имъ взгляды—о способности установить правильную точку зрѣнія на изучаемый предметъ; думается, что менѣе стѣсненный временемъ, онъ былъ бы въ состояніи выполнить въ полномъ смыслѣ слова цѣнную ученую работу. Признаю рассматриваемое сочиненіе очень хорошей кандидатской диссертаціей“.

в) Прошенія, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, студентовъ IV курса *Бензина* Василия и *Созонова* Михаила объ оставленіи ихъ, по болѣзни, въ томъ же курсѣ на второй годъ.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—§§ 132, 135—140. 2) По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 4 сентября 1903 года воспитаннику Академіи LVIII курса *Лепехину* Николаю предоставлено право, для полученія степени кандидата богословія или званія дѣйствительнаго студента, сдать устные испытанія по предметамъ IV курса по выздоровленіи, во время переводныхъ и выпускныхъ или приѣмныхъ испытаній. 3) По § 81 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.—4) По Высочайше утвержденному опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 1—14 іюня 1888 года „увольненіе студентовъ по прошеніямъ и исключеніе изъ Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Правленія Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

- 1) Орлова Анатолія,
Остроумова Михаила,
Одинцова Михаила,
Богородскаго Николая,
- 5) Покровскаго Николая,
Соколова Алексѣя,
Шарапова Алексѣя,
Вершинскаго Георгія,
Гречева Бориса,
- 10) Старокадомскаго Григорія,

Лозинскаго Николая,
Болотовскаго Михаила,
Василькова Павла,
Кутузова Михаила,

15) Воскресенскаго Николая и

16) Лукшина Александра—

удостоить степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія.

17) Дьяченко Владиміра,
Буравцева Николая,
Максимовича Владана,

20) Адамова Ивана,
Судакова Ивана,
Дорошевскаго Феодора,
Береснева Платона,
Кирикова Владиміра,

25) Богословскаго Сергѣя,
Сваицкаго Павла,
Немѣшаева Дмитрія,
Недригайлова Ивана,
Іеромонаха Алексія (Симанскаго),

30) Священника Василія Добротворскаго,
Ястребцева Михаила,
Казанскаго Николая,
Моисеева Александра,
Платонова Михаила,

35) Звѣрева Георгія,
Плотникова Евгенія,
Антонова Александра,
Денисова Константина,
Высотскаго Павла,

40) Казанцева Николая,
Крестіанполя Павла и

42) Ильинскаго Сергѣя—

удостоить степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 академическаго устава.

43) Жиромскаго Іосифа,
Кобрина Николая,

45) Минераллова Александра,

Трапицына Василия и

47) Цвѣткова Владимира,

а также воспитанника предшествоващаго, ЕVIII, курса—

Лепехина Николая—

удостоить званія дѣйствительнаго студента Академіи съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій.

2) Студентовъ IV курса—*Бензина* Василия и *Созонова* Михаила оставить, по болѣзни, въ томъ же курсѣ на второй годъ; о студентѣ же *Строевѣ* Александрѣ, уже воспользовавшемся разъ этою льготою (на III курсѣ) и вновь не явившемся къ сдачѣ устныхъ испытаній по предметамъ IV курса,—сообщить Правленію Академіи для увольненія его изъ числа студентовъ.—3) Постановленія сіи представить на Архiepастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

III. Предложеніе Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академической курсъ студентовъ для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи“.

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* „Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на cadaго“. 2) По § 81 лит. б. п. 5 того же устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Оставить для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи окончившихъ нынѣ академической курсъ воспитанниковъ Анатолия *Орлова* и Михаила

Остроумова, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 700 рублей каждому, за вычетомъ 2% на пенсіи. 2) Мнѣніе сіе представитъ на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IV. Заявленія оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи: *іеромонаха Алексія* (Симанскаго), *Воскресенскаго Николая*, *Денисова* Константина, *Лозинскаго Николая* и *Орлова* Анатоля, не пользовавшихся казеннымъ содержаніемъ ни въ Академіи, ни въ Семинаріи,—о желаніи ихъ служить по духовно-учебному вѣдомству.

Справка: 1) Циркулярнымъ указомъ отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3 Святѣйшій Синодъ, признавая полезнымъ сосредоточить въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣстѣ съ дѣлами по распредѣленію окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ на должности въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и по увольненію ихъ изъ сего вѣдомства, также и дѣла по храненію всѣхъ документовъ академическихъ воспитанниковъ и по наблюденію за взысканіями съ сихъ воспитанниковъ долга духовному вѣдомству,—въ отмѣну дѣйствовавшихъ на сей предметъ по духовно-учебному вѣдомству распоряженій, — установилъ на будущее время слѣдующія правила: „1) Окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ академій, обучавшіеся въ академіи и семинаріи, или хотя бы въ одной изъ нихъ, на казенномъ содержаніи, а равно воспитанники, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на своемъ содержаніи, но, по окончаніи академическаго курса, заявившіе о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, поступаютъ въ вѣдѣніе Центрального Управленія сего вѣдомства.—2) Начальства духовныхъ академій выдаютъ таковымъ воспитанникамъ только временные виды на жительство или билеты на проѣздъ, но отнюдь не удостовѣрительныя свидѣтельства объ окончаніи ими академическаго курса, а также прогонныя деньги до мѣстъ ихъ родины; дипломы же на степень кандидата богословія и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента, съ обозначеніемъ въ нихъ обязательствъ служебныхъ и денежныхъ, документы о родоприсхожденіи и др., а также взятые у нихъ точные адреса ихъ мѣстожительства, — препровождаются Совѣтами академій, вмѣстѣ со списками по установленнымъ формамъ, въ Учеб-

ный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ они и хранятся впредь до опредѣленія воспитанниковъ на службу; о всякой перемѣнѣ своего мѣстожительства означенные воспитанники немедленно доносятъ Учебному Комитету“.— 2) Изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ академическихъ воспитанниковъ, обучавшихся въ Академіи и Семинаріи на своемъ содержаніи или пользовавшихся частными стипендіями,— не заявили желанія служить по духовно-учебному вѣдомству: *Максимовичъ* Владанъ, сербъ, австро-венгерскій подданный, и *Недригайловъ* Иванъ.

Опредѣлили: 1) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году студентовъ Академіи въ степени кандидата богословія и званіи дѣйствительнаго студента Академіи доставить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ списокъ означенныхъ студентовъ, по установленной формѣ, съ обозначеніемъ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отомѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи за четыре года академическаго курса и в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ 25—27 апрѣля 1884 года и 27 января—17 февраля 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полного балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ.—2) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата богословія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ все документы казеннокошныхъ воспитанниковъ, а равно и тѣхъ изъ своекошныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ приложеніемъ списка оставленныхъ студентами при выѣздѣ изъ Академіи адресовъ ихъ будущаго мѣстожительства.—3) Студентамъ: *Максимовичу* Владану и *Недригайлову* Ивану, не изъявившимъ желанія служить по духовно-учебному вѣдомству,—выдать кандидатскіе дипломы и прочіе документы на руки подъ собственноручныя росписки.

V. Разсуждали о назначеніи на 1904—1905 учебный годъ стипендій студентамъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время, за окончаніемъ пол-

наго академическаго курса и выбытіемъ изъ Академіи студентовъ бывшаго IV курса, остаются свободными слѣдующія стипендіи: имени протоіерея А. В. Горскаго двѣ стипендіи—одна въ 232 р., другая—въ 220 р.; имени протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 220 р.; имени архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина въ 220 р.; двѣ стипендіи имени проф. Н. П. Соколова и двѣ стипендіи П. А. Мухановой—по 220 р. каждая; шесть стипендій Троице-Сергіевой Лавры, по 220 р. каждая; стипендія Московскаго духовенства и каѳедры (юбилейная) въ 181 р.; стипендія неизвѣстнаго лица (капиталь поступилъ чрезъ Архіепископа Алексія) въ 170 р. и стипендія имени И. С. Аксакова для студентовъ изъ южныхъ славянъ въ 239 р.—Кромѣ того, подлежатъ назначенію стипендіи: казенная на II курсѣ (послѣ умершаго студента *В. Меліоранскаго*), имени потомств. поч. гражданина В. П. Ѳеолога въ 520 р. и имени Епископа Никодима въ 192 р. [послѣ лишенныхъ означенныхъ стипендій на 1904—1905 учебный годъ, по опредѣленію Правленія Академіи отъ 22 мая 1904 года, студентовъ—священниковъ Димитрія *Рождественскаго* (IV к.) и Іоанна *Звѣздкина* (III к.)], имени Епископа Агаѳодора (вновь учрежденная) въ 220 руб. и имени протопресвитера А. С. Ильинскаго (до сего времени проценты съ завѣщанной послѣднимъ суммы присоединялись къ основному капиталу) въ 220 р.—2) Утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ „Правилъ относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами Академіи“ *а) п. I*: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ въ Академіи, но въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ. *б) п. II*: При распредѣленіи стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ Совѣтъ руководствуется, въ качествѣ основного, тѣмъ же правиломъ, которымъ опредѣляется назначеніе стипендій на первомъ курсѣ, а именно: всѣ наличныя казенныя стипендіи и тѣ изъ частныхъ стипендій, назначеніе и опредѣленіе срока пользованія которыми зависятъ всецѣло отъ Совѣта Академіи, назначаются соотвѣтствующему числу студентовъ въ порядкѣ разряднаго списка, начиная съ перваго. *в) п. III*: Исключенія изъ этого правила допускаются

Совѣтомъ Академіи лишь по тщательномъ изслѣдованіи причинъ пониженія студентовъ въ разрядномъ спискѣ, причѣмъ въ случаѣ рѣзкаго пониженія, происшедшаго отъ невнимательнаго отношенія къ исполненію учебныхъ обязанностей, студентъ можетъ быть лишенъ стипендіи на годъ, хотя бы по занимаемому имъ мѣсту въ спискѣ онъ и сохранилъ право на пользованіе ею, и, наоборотъ, стипендія можетъ быть сохранена за студентомъ, лишившимся ея вслѣдствіе незначительнаго пониженія въ спискѣ, происшедшаго не отъ лѣности или разсѣянности. 2) *п. II*: Студентъ, потерявшій мѣсто вслѣдствіе продолжительной болѣзни, сохраняетъ за собою стипендію, которою пользовался“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи за минувшій учебный годъ, означенныя въ справкѣ стипендіи назначить на будущій 1904—1905 учебный годъ слѣдующимъ студентамъ: имени прот. А. В. Горскаго въ 232 р.—студенту 2 курса Владиміру *Страхову* (пользовавшемуся казенной стипендіей); того же имени въ 220 р.—4 курса Михаилу *Архангельскому*; прот. А. М. Иванцова-Платонова—2 курса Сергѣю *Величкину* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.); архим. Павла и проф. Н. П. Субботина—4 курса Михаилу *Смирнову* (пользовавшемуся стипендіей архіеп. Макарія въ 220 р.); двѣ проф. Н. П. Соколова—4 курса Филиппу *Ершову* (пользовавшемуся стипендіей имени протоіереевъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына въ 173 р.) и 3 курса Николаю *Смирнову*; двѣ П. А. Мухановой—4 курса Александру *Батину* (пользовавшемуся стипендіей Ю. Ѳ. Самарина въ 173 р.) и Митрофану *Орлову* (пользовавшемуся стипендіей Московской кафедры въ 110 р.); шесть стипендій Троице-Сергіевой Лавры—4 курса Василию *Бензину* и Александру *Петропавловскому* (пользовавшемуся стипендіей прот. І. В. Рождественскаго въ 194 р.), 3 курса Виктору *Соколову* (пользовавшемуся стипендіей В. М. Ундольскаго въ 200 р.) и Виктору *Лебедеву* (пользовавшемуся стипендіей Московской кафедры въ 110 р.), 2 курса—Владиміру *Ремезову* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 р.) и Николаю *Процерову* (пользовавшемуся стипендіей Московской кафедры въ 110 р.); Московскаго духовенства и кафедры (юбилейную)—4 курса

Алексѣю *Нежданову* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.); архіеп. Алексія—2 курса Алексѣю *Петровскому*, П. С. Аксакова—2 курса Георгію *Попъ-Харалампіеву*, болгарскому уроженцу (содержавшемуся на средства Святѣйшаго Синода); казенную—2 курса Дмитрію *Маркову* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.); В. П. Θεолого—3 курса священнику Николаю *Опоцкому*. (пользовавшемуся казенной стипендіей); Епископа Никодима—2 курса Христофору *Соболеву* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.); Епископа Агаѳодора—2 курса Михайлу *Пивоварчуку* (пользовавшемуся казенной стипендіей) и протопресвитера А. С. Ильинскаго—4 курса Михайлу *Созонову*.—2) Казенную стипендію (послѣ В. Страхова) передать студенту 2 курса священнику Владиміру *Горлицыну* (пользовавшему стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.); стипендію архіепископа Макарія (послѣ М. Смирнова)—4 курса Ивану *Неутрѣвскому* (пользовавшемуся Ломоносовской стипендіей въ 202 р.); протоіереевъ Θ. А. Голубинскаго и П. С. Делница (послѣ Ф. Ершова)—1 курса Николаю *Перлову*; Ю. Θ. Самарина (послѣ А. Батина)—2 курса Ивану *Пятикрестовскому* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.); прот. І. В. Рождественскаго (послѣ А. Петропавловскаго)—2 курса Алексѣю *Смирнову* (пользовавшемуся стипендіей Г. И. Хлудова въ 80 р.); В. М. Ундольскаго (послѣ В. Соколова)—2 курса Венедикту *Фришфельдъ-Кайсыну* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.); академическую (послѣ В. Ремезова)—2 курса Николаю *Варжанскому* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.); казенную (послѣ свящ. Н. Опоцкаго)—3 курса Михайлу *Веретенникову* (пользовавшемуся стипендіей Епископа Христофора въ 160 р.); казенную (послѣ М. Пивоварчука)—2 курса Ивану *Ключареву* (пользовавшемуся стипендіей прот. А. И. Невоструева въ 142 р.) и Ломоносовскую (послѣ И. Неутрѣвскаго)—студенту 2 курса Ивану *Березкину* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.).—3) За прочими студентами оставить на будущій 1904—1905 учебный годъ тѣ стипендіи, которыми они пользовались въ минувшемъ году, а пятнадцать стипендій: Епископа Христофора въ 160 р., протоіеря А. И. Невоструева въ 142 р., пять Московской каѳедры по 110 р., три М. А. Хлудова по

118 р. и пять Г. П. Хлудова по 80 р.—предоставить студентамъ будущаго I курса.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1904 г. Іюня 16. Утверждается“.

4 іюня 1904 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, А. Введенскаго и П. Тихомирова.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1904 г. Мая 31. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—циркулярный указъ Святѣйшаго Синода отъ 27 мая 1904 года, за № 5:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 20 сего Мая, № 726, журналъ Учебнаго Комитета за № 249, съ заключеніемъ Комитета, о назначеніи въ текущемъ году въ составъ новообразуемыхъ курсовъ духовныхъ академіи воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣтамъ духовныхъ академіи вызвать къ подлежащему сроку изъ числа 175 семинарскихъ воспитанниковъ, рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами, въ составъ новыхъ въ академіяхъ курсовъ 88 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, изъ нихъ а) въ *С.-Петербургскую* академію 25, по *одному* воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Владимірской, Волинской, Воронежской, Вятской, Иркутской, Костромской, Курской, Литовской, Минской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Пермской, Подольской, Полтавской, Рижской, Рязанской, С.-Петербургской, Саратовской, Смоленской, Тверской, Холмской и Ярославской; б) въ *Кіевскую* академію 25, по *одному* воспитаннику изъ семинарій: Владимірской, Вологодской, Волинской, Воронежской, Донской, Калужской, Кишиневской, Кіевской, Курской, Литовской, Минской, Нижегородской.

Новгородской, Оренбургской, Рязанской, Самарской, Симбирской, Ставропольской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тифлисской, Тульской, Уфимской и Холмской; в) въ *Московскую* академію 20, по *одному* воспитаннику изъ семинарій: *Архангельской, Витебской, Виванской, Вологодской, Волынской, Екатеринославской, Иркутской, Кишиневской, Курской, Минской, Могилевской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Подольской, Полтавской, Тверской, Тульской, Харьковской и Ярославской*, и г) въ *Казанскую* академію 18, по *одному* воспитаннику изъ семинарій: Александровской-миссіонерской, Вятской, Екатеринославской, Иркутской, Казанской, Костромской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Рязанской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тобольской, Уфимской и Черниговской; 2) остальные затѣмъ казеннокоштные вакансіи въ академіяхъ С.-Петербургской—5, Кіевской—5, Московской—10 и Казанской—12 представить лучшимъ изъ имѣющихъ явиться къ пріемнымъ испытаніямъ въ качествѣ волонтеровъ;—3) поручить Совѣтамъ духовныхъ академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній въ академіяхъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требующіяся синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 12 января 1849 года, съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которыя явятся на экзамень не по вызову и будутъ приняты въ число воспитанниковъ академій, и 4) предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы при избраніи воспитанниковъ въ академіи: а) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ какъ по способностямъ, успѣхамъ въ ученіи и благоправію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, б) на основаніи указа Святѣйшаго Синода, отъ 19 марта 1871 года, за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками, по прибытіи на мѣсто, не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія отъ вступленія въ духовно-учебную службу, в) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки, вмѣстѣ съ другими требуемыми документами избранныхъ воспитанниковъ, непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академій

черезъ самихъ воспитанниковъ, и г) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными для проѣзда деньгами и необходимыми, въ опредѣленномъ количествѣ, вещами изъ бѣлья и обуви. Для должныхъ распоряженій и исполненія со стороны Совѣтовъ духовныхъ академій послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому, Кіевскому и архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же прочихъ Преосвященныхъ тѣхъ епархій, изъ которыхъ предназначается вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ въ академіи.“

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода сообщить Правленіямъ подлежащихъ духовныхъ семинаріѣ.

II. Отзвы о трудахъ экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ нравственнаго богословія Михаила *Тарѣви* подъ заглавіями: „Уничженіе Господа нашего Иисуса Христа. Филип. II, 5—11. Экзегетическое и историко-критическое изслѣдованіе“, 1901 г. и „Философія евангельской исторіи. Жизнь Иисуса Христа—слава Божія. Pendant къ изслѣдованію „Уничженіе Господа нашего Иисуса Христа“, 1903 г., представленныхъ на соисканіе степени доктора богословія:

а) Преосвященнаго Ректора Академіи *Евдокима, Епископи Волоколамскаго*:

„Среди многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ изъясненію и раскрытію евангельской исторіи, сочиненіе проф. Тарѣва занимаетъ особенное мѣсто. Напрасно бы мы въ немъ стали искать археологическихъ изысканій, которыми въ настоящее время переполняются изслѣдованія многихъ ученыхъ библеистовъ. Нѣтъ въ немъ историческихъ изысканій, которыми заполняютъ свои труды по истолкованію Новаго Завѣта нѣкоторые современные ученые. Тѣ и другіе ученые впадаютъ обыкновенно въ грубую ошибку. Думая создать фонъ для картины, на которомъ хотятъ живописать предъ глазами читателя извѣстную евангельскую личность, они въ дѣйствительности создаютъ одинъ только фонъ. На этомъ фонѣ обыкновенно слишкомъ блѣдными, иногда даже едва уловимыми чертами обрисовывается главное евангельское лицо. Нѣтъ у г. Тарѣва и безконечно-длинныхъ, утомительныхъ филологическихъ работъ надъ текстомъ, вариантами, полемикой, установкой правильнаго чтенія текста. Не примыкаетъ онъ при изъясненіи евангельской исторіи и къ школь-

т. н. рационалистовъ—библейстовъ. Словомъ, въ своемъ трудѣ онъ не примыкаетъ ни къ одному изъ модныхъ реалистическихъ направленій, какія царятъ въ настоящее время въ библейской наукѣ.

Проф. Таръевъ не только нисколько не примыкаетъ къ этимъ направленіямъ, но и отрицаетъ почти всякую значимость ихъ въ дѣлѣ уясненія евангельской исторіи. Для раскрытія евангельской исторіи онъ избираетъ новый путь, чѣмъ какимъ шло большинство ученыхъ до него.

Евангеліе представляетъ собою длинный рядъ различныхъ событій изъ жизни Христа, Его учениковъ и еврейскаго народа. Задача автора—изучить эти факты не хронологически и не исторически, а въ той внутренней, неразрывной связи, въ какой они дѣйствительно слѣдовали одинъ за другимъ. При обслѣдованіи и изученіи самыхъ событій авторъ останавливается преимущественно на раскрытіи ихъ внутренней стороны, той идеи, мысли, разума, какіе лежали подъ ними и за ними. Это стремленіе автора настолько сильно, что по мѣстамъ для него теряетъ почти всякое значеніе историческая сторона евангельской исторіи, уступая мѣсто всецѣло идейно-богословской. Отсюда и самые евангельскіе факты по мѣстамъ получаютъ характеръ какъ бы только символовъ для раскрытія той или другой богословской идеи. Это какъ бы своего рода вехи, показывающія ростъ тѣхъ или другихъ идей, показатели идейной стороны Евангелія въ тотъ или другой моментъ евангельской исторіи. Евангельскія лица—также какъ бы только типы, образы. Вся евангельская исторія представляетъ собою развитіе одной сложной темы—вѣры и невѣрія во Христа, ожесточенія противъ Христа и глубочайшей любви ко Христу, побіенія Христа камнями и смерти за Христа, внутренняго прозрѣнія въ вѣчную правду и полного ослѣпленія, смѣны мрака свѣтомъ, борьбы положительныхъ и отрицательныхъ началъ, роста Царства Божія въ душѣ человѣка съ многочисленными отклоненіями въ сторону добра и зла, конечной побѣды надъ антихристомъ въ душахъ людей и въ міровой исторіи. Вся евангельская исторія—это какъ бы какое философское сочиненіе идеалистическаго характера, на страницахъ котораго послѣдовательно, стройно, неумолимо логически, безъ всякихъ скачковъ, отъ начала до конца раскрывается одна идея, одна тема.

Если для многихъ евангельская исторія является длиннымъ рядомъ различныхъ событій, то для проф. Тарѣва она является цѣлостною системою, въ которой всѣ части такъ тѣсно связаны одна съ другою, что нельзя выбросить ни одного звена ни откуда. Мало того, если бы какое-либо звено какъ - либо затерялось, то его всегда можно возстановить вполне точно. Евангельская исторія для проф. Тарѣва, если такъ можно выразиться, непрерывный континуумъ. Отсюда понятной становится его скорбь, когда онъ не находитъ въ текстѣ промежуточныхъ звеньевъ, связующихъ извѣстные моменты развитія тѣхъ или другихъ мыслей (114).

И убѣдить читателя въ правотѣ евангельскихъ событій авторъ хочетъ не путемъ историческихъ, археологическихъ, экзегетическихъ изысканій, а идейно - психологически, не вѣнше, а внутренне. „Духовная жизнь,—пишетъ онъ,—не можетъ быть выражена въ терминахъ хронологически, топографически, этнографически, биографически, она неуловима для нихъ“ (317). Онъ нудитъ каждаго признать ту или другую евангельскую истину путемъ личнаго, непосредственнаго убѣжденія въ ней, путемъ признанія ея совѣстію и разумомъ самого читателя, „Идея христіанская тяжеловѣсна, говоритъ онъ,—высокопробна, но покрыта густымъ слоємъ суевѣрій и схоластической мглы. Къ ней нужно пробиваться черезъ этотъ мракъ, ее нужно очищать отъ всякихъ примѣсей,—и тогда она засіяетъ предъ нами во всемъ блескѣ“ (319). И онъ дѣйствительно очищаетъ ее отъ многихъ историческихъ примѣсей, дѣлая ее понятной и удобопріемлемой для человѣка. Если евангельская исторія для многихъ представляетъ собою только рядъ хронологическихъ, топографическихъ и биографическихъ повѣствованій и исчерпывается вопросами хронологіи, топографіи, этнографіи, филологіи, археологіи, то для читателя сочиненія г. Тарѣва та же самая исторія является уже повѣствованіемъ объ историческомъ началѣ, смыслѣ и содержаніи той духовной жизни, какою онъ живетъ и долженъ жить вмѣстѣ со всеми христіанами. Эта жизнь находится не въ книгахъ, не въ заоблачныхъ мірахъ, а совершается въ немъ самомъ. Самъ человекъ—непосредственный свидѣтель этой жизни.

Такъ глубоко и широко понялъ задачу написанія евангельской исторіи проф. Тарѣвъ. Это дало ему возможность

многое въ евангельской исторіи, что знакомо намъ еще съ ранняго дѣтства, освѣтить или совершенно съ новыхъ точекъ зрѣнія или почти совершенно. Благодаря этому методу разрозненные и одиноко стоящіе факты являются у него глубоко и внутренно связанными между собою. Генетически изъясняются величайшіе моменты внутренней жизни Богочеловѣка. Связанными являются отдѣльные періоды общественнаго служенія Христа Спасителя. Всѣ самыя, повидимому, незначительныя событія, изреченія оказываются въ системѣ, умѣлою рукою вплетаются въ рядъ основныхъ событій и, при этомъ новомъ освѣщеніи, становятся болѣе понятными, по мѣстамъ получаютъ какъ бы даже совершенно новый смыслъ и значеніе. Оживаютъ какъ бы на нашихъ глазахъ всѣ евангельскія лица, партіи, группы, народъ съ своими думами, чувствами, чаяніями и надеждами. Предъ нами проходитъ живая, цѣлостная картина различныхъ отношеній людей ко Христу Спасителю. Мы видимъ, какъ растетъ и развивается на землѣ Христово дѣло, какъ и почему одни переходятъ отъ невѣрія къ вѣрѣ во Христа и живое Богосыновство, а другіе ожесточаются и ниспадаютъ въ страшныя глубины злобы, омраченія и вѣчнаго невѣрія. Евангельскія событія рисуются на яркомъ фонѣ ветхозавѣтнаго жизнепониманія и жизнеустроенія, на канвѣ понятыхъ и опознанныхъ, непонятыхъ и неопознанныхъ пророчествъ, въ свѣтѣ ветхозавѣтнаго домостроительства и внѣ этой исторической перспективы. Словомъ, предъ нами оживаетъ и какъ бы снова проходитъ вся евангельская исторія, притомъ болѣе съ внутренней, идейной стороны, чѣмъ съ внѣшней. Для насъ почти все становится яснымъ въ жизни Христа, отъ Вифлеемскаго дня Его рожденія и до послѣдняго страшнаго Голгоесскаго дня.

Ученый археологъ объясняетъ паломнику каждый уголокъ, едва замѣтный штрихъ, орнаментъ какого-либо древняго малопонятнаго и извѣстнаго памятника, наполняя его безмолвныя стѣны снова тою жизнью, какою когда то онѣ были наполнены. То же самое въ отношеніи къ евангельской исторіи дѣлаетъ и г. Тарѣевъ.

Стоя на этой новой точкѣ зрѣнія, проф. Тарѣевъ необыкновенно глубоко, основательно, жизненно выясняетъ многіе факты евангельской исторіи. Силою своєї внутренней аргу-

ментации онъ нудитъ признать смыслъ, реальность, необходимость ихъ не только вѣрующаго христіанина, но и полуневѣрующаго, честнаго скептика, хитроумнаго критика. Онъ противопоставляетъ силѣ рачіонализма невѣрующаго силу рачіонализма вѣрующаго, христіанскаго рачіонализма, и этою силою неумолимо ведетъ къ признанію извѣстныхъ фактовъ евангельской исторіи. Весьма часто, имѣя въ своихъ рукахъ одно только это оружіе, онъ побѣдоносно борется со всѣми своими противниками. Оставаясь въ этой своей непреступной твердынѣ, онъ въ значительномъ числѣ случаевъ неуязвимъ никакой вражеской рукой, какимъ бы усовершенствованнымъ оружіемъ она не владѣла въ борьбѣ со Христомъ.

Изъ многочисленныхъ страницъ, останавливающихъ на себѣ вниманіе читателя раскрытіемъ и выясненіемъ идейно-богословской стороны евангельской исторіи, можно отмѣтить слѣдующія: Личность Христа, какъ Богочеловѣка (28—41), смыслъ искушеній въ пустынѣ въ связи съ чаяніями еврейскаго народа (71), ученіе Христа о духовномъ царствѣ (79), чудеса въ пониманіи евреевъ (86), ростъ злобы и ослѣпленія іудеевъ и ростъ царства Божія (118), причина невѣрія во Христа многихъ (125), періоды роста царства Божія, развитія и роста идеи царства Божія (132), исповѣданіе Петра (160), почему голгоѣскія страданія не послѣдовали за праздникомъ Кушей (148), почему Христосъ сталъ открыто говорить о своихъ страданіяхъ (162), что значитъ умыть ноги (197), объясненіе невѣрія Іуды во Христа (198—200), невѣрія Θомы (216—218), смерть и воскресеніе Христа (229 сл.), рѣчи о тѣлѣ Воскресшаго и Его явленіи ученикамъ (263 сл.), отличіе индійскаго, еврейскаго и платоновскаго пониманія безсмертія отъ христіанскаго (277 сл.), значеніе воскресенія для людей (286). Число этихъ мѣстъ можно было бы увеличить и еще въ значительной степени. Но мы отсылаемъ любопытствующихъ къ самой книгѣ.

Едва ли появлялось на землѣ когда-нибудь такое сочиненіе, которое рѣшало бы всѣ вопросы окончательно и было бы совершенно свободно отъ всякихъ недочетовъ. Не свободно отъ нихъ и сочиненіе прѣф. Тарѣева. Скажу даже больше того. Всѣ сочиненія, авторы которыхъ въ своихъ работахъ руководятся не историко-археологическимъ мето-

домъ, а внутреннимъ, идейнымъ, чисто-богословскимъ, подвергаются всего болѣе нападкамъ. Ихъ сочиненія всегда всего болѣе открыты для всевозможныхъ возраженій, чѣмъ сочиненія людей, работающихъ въ противоположномъ направленіи точнаго, почти матеріалистическаго знанія. Въ сочиненіяхъ, подобныхъ труду проф. Тарѣва, люди могутъ находить стропотное почти на каждой страницѣ, отъ первой до послѣдней. Изъ недочетовъ разсматриваемаго сочиненія я укажу слѣдующіе. Начну съ первой страницы. Мнѣ лично не нравится его названіе евангельской исторіи философіей. Кажется, мы еще впервые въ литературѣ встрѣчаемся съ подобнымъ терминомъ. Правда, какъ бы предчувствуя возраженіе, въ концѣ своей книги авторъ (318) оправдываетъ себя, ссылаясь на то, что Христосъ — Премудрость, что слово философія означаетъ любовь къ мудрости и т. д. Но вѣдь тогда и всякую книгу, даже всякую фразу можно назвать философіей, и мы совершенно запутаемся въ терминологию. А главное, евангельская исторія на своихъ страницахъ не сообщаетъ почти ничего такого, чѣмъ специфически отличается и характеризуется всякая философія и философская система. Мнѣ думается, что авторъ скорѣе написалъ не „философію евангельской исторіи“, а „смыслъ разумъ“ евангельской исторіи, каковыя термины мы нерѣдко встрѣчаемъ и въ его сочиненіи. Не понимаю, чѣмъ и какъ навѣяна на автора такая точка зрѣнія. Мы живемъ не въ вѣкъ идеалистической философіи съ Гегелями, Шеллингами, Фихте и другими подобными философами. Наше время — время по преимуществу глубокаго реализма, пытающагося и философію низвести изъ ея заоблачныхъ высей на грѣшную землю.

Не могу одобрить автора и за его крестовый походъ противъ науки. Объ исторіи онъ говоритъ: „Евангелія не представляютъ собою ни исторіи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, ни матеріала для нея“ и т. д. (9—10. 15). Но какая исторія имѣетъ всѣ данныя — хронологическіе, топографическіе, археологическіе и другіе, необходимые для построенія ея? Съ другой стороны, какъ бы мы ни умаляли значенія факта, все же мы не можемъ, находясь въ условіяхъ земной жизни, ничего дѣлать безъ факта. Исторія евангельская представляетъ собою дѣйствительную исторію, наши евангелія раз-

вивались въ извѣстной исторической конкретнѣй обстановкѣ. Даже больше того, они не могли развиваться болѣе ни въ какой другой обстановкѣ. Слѣдовательно, въ этой рамкѣ они и должны изъясняться. Скорблю и о томъ, что авторъ зачеркиваетъ археологію и филологію. Едва ли нужно говорить, что мы вполне серьезно и научно не можемъ работать въ области евангельской исторіи безъ этихъ наукъ. Это вѣдь почти все равно, какъ если бы мы стали писать о какомъ-либо намъ неизвѣстномъ предметѣ по смутнымъ подъ часъ слухамъ. Не склоненъ я вмѣстѣ съ авторомъ зачеркивать даже и рационализмъ, потому что благодаря ему гдѣ отрицательнымъ, гдѣ положительнымъ путемъ мы пришли къ многимъ весьма положительнымъ результатамъ въ области евангельской исторіи.

Такое отношеніе къ наукѣ проф. Тарѣева даетъ возможность рецензенту насчитать не одну сотню выдающихся сочиненій русской и иностранной литературы, которыми не воспользовался авторъ. Онъ допустилъ несомнѣнную ошибку, пройдя мимо, не воспользовавшись учеными трудами во всей ихъ почти необозримой сложности и громоздкости. Эта ошибка несомнѣнно сказала и на самомъ сочиненіи автора. Если измѣрять трудъ проф. Тарѣева масштабомъ современной библейской новозавѣтной науки, то можно будетъ указать не мало недочетовъ въ его сочиненіи въ области критики текста, установки правильнаго чтенія, въ области археологіи, хронологіи и т. д.

Недочеты можно указать и въ излюбленной даже авторомъ области—въ области раскрытія имъ идейно-богословской стороны евангельской исторіи. Можно насчитать десятки пропущенныхъ святоотеческихъ возвышенныхъ толкованій различныхъ мѣстъ Евангелія и множество сочиненій современныхъ русскихъ и западныхъ писателей, изъ которыхъ достаточно назвать хотя бы только француза Годэ. Но на „нѣтъ“ и суда почти нѣтъ. Въ сочиненіи автора наблюдается замѣтная односторонность. Глубоко содержательная и правдивая мысль о страданіи и самоуничженіи Христа Спасителя, положенная въ основу его труда, конечно, не исчерпываетъ собою всей земной жизни Сына Человѣческаго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ эта жизнь была только жизнью страданій и самоуничженія? Не исчерпывается этими идеями и

жизнь христіанина, потому что и она также не представляеть собою непрерывнаго ряда однихъ только страданій и одного только уничтоженія.

Авторъ „исходнымъ пунктомъ въ пониманіи жизни Іисуса Христа“ считаетъ „внутренній опытъ“ (27). Но чѣмъ тогда будетъ отличаться пониманіе личности Христа какимъ-либо сектантомъ или заблуждающимся человѣкомъ отъ надлежаще правильнаго пониманія? Доказательства Божества Іисуса Христа могли бы быть значительно углублены и увеличены (36). Причины крещенія Христа Спасителя во Іорданѣ отъ Іоанна св. отцами изъясняются болѣе широко, чѣмъ проф. Тарѣевымъ (59). Размѣщая многія чудеса не хронологически и исторически, а идейно, авторъ едва ли сможетъ оправдать свой взглядъ (113, 145, 155 и др.). Едва ли можетъ доказать авторъ и ту мысль, что „чудеса Іисуса Христа имѣли значеніе символовъ духовной жизни и ея благъ“ (172. 117). Не согласенъ я и съ тѣмъ мнѣніемъ автора, по которому будто бы Христосъ училъ притчами, „чтобы ослѣпить и ожесточить іудеевъ“ (128). То же самое думаю и по поводу слѣдующихъ строкъ автора: „Христосъ, совершивъ исцѣленіе бѣсноватаго, позволилъ погибнуть стаду свиней для того, чтобы ожесточить жителей той мѣстности, ожесточить вѣру ихъ въ чудеса“ (132). Несправедливо и то, что будто бы Христосъ удалился изъ Іерусалима для того, чтобы постановленный въ Іерусалимѣ приговоръ о Его смерти былъ исполненъ іудеями не ранѣе пасхи „при полномъ стеченіи народа“ (179). Слишкомъ гипотетична и слѣдующая его гипотеза: „Для апостоловъ нужно было *ослабить* впечатлѣніе торжественныхъ чудесъ. Это было достигнуто посѣщеніемъ Закхея и символическимъ миропомазаніемъ ногъ Іисуса Марією“ (178). Авторомъ оставлено почти безъ всякаго вниманія возвышеннѣйшее и совершеннѣйшее ученіе Спасителя, а между тѣмъ оно, можетъ болѣе, чѣмъ даже чудеса, приводило и приводитъ людей къ вѣрѣ въ Него, какъ Богочеловѣка (186 и др.). „Геесиманское бореніе“ авторъ выясняетъ менѣе глубоко, основательно и широко, чѣмъ другіе писатели, писавшіе объ этихъ величайшихъ минутахъ земной жизни Христа Спасителя (208—209). Несправедливо, по моему мнѣнію, то, что „въ геесиманскомъ саду Христосъ пережилъ ужасъ смерти

въ своей волѣ“ (208). Не совѣсть точно представляетъ „духовное дарованіе Пятидесятницы“, когда говорить, что оно было только даромъ „чудотвореній“ (298, 301). Несмотря на всѣ усилія расположить свой матеріаль идейно, автору это не всегда удается. Встрѣчаются у автора лишнія гипотезы (211 и др.), уклоненія въ сторону (239 сл.). Рѣчь о „тайнствѣ хлѣба и вина“, непредваренная особыми замѣчаніями, можетъ смущать многихъ (7, 194, 197). То же самое нужно сказать и о слѣдующихъ положеніяхъ автора: „христіанское воскресеніе“ (§ 65), духовность воскресенія (§ 57), чудеса благодѣянія (107 и др.). Въ данномъ случаѣ достаточно вспомнить недавнюю критическую замѣтку, принадлежащую перу протоіерея Лаврскаго (Миссіон. Обзор. 1904. № 7). Онъ со спокойной совѣстью писалъ: „лишилъ насъ ученый богословъ вѣры въ дѣйствительность Христова воскресенія. Или въ самомъ дѣлѣ подрываетъ вѣру въ воскресеніе г. Тарѣевъ въ статьѣ своей, оставляя въ насъ лишь надежду на продолженіе личнаго бытія по смерти, а воскресеніе — даже и воскресеніе Христова — представляя только кажущимся, мнимымъ? Въдѣсть же въ настоящее время и философы, и богословы такіе, что говорятъ о Богѣ, о безсмертіи души, а на самомъ дѣлѣ ни личнаго Бога, ни личнаго безсмертія, ни даже самой души не признаютъ“. Это — награда проф. Тарѣеву за то, что онъ старался доказать, защититъ величайшую евангельскую истину о воскресеніи Христа и съ Нимъ всѣхъ людей. Вопросъ о духовности воскресшаго тѣла приводитъ автора-рецензента еще къ большому непониманію проф. Тарѣева, стоящаго совершенно на твердомъ церковно-каноническомъ основаніи. Могутъ найтись и другіе подобные возражатели, тѣмъ болѣе, что въ области этого вопроса полемизировали такіе два православнѣйшихъ человѣка, какъ святители Теофанъ Затворникъ и Игнатій Брянчаниновъ.

Непріятно поражаютъ читателя въ серьезномъ ученѣмъ сочиненіи двѣ-три ссылки на Тургенева, Достоевскаго, Мережковскаго и Бухарева (31, 218, 243 и др.). Странно также встрѣчать въ серьезномъ сочиненіи ссылки на такіе мнимые ученые авторитеты, какъ сочиненія Гейки, Фаррара, Гречулевича и различныя мелкія статьи нашихъ далеко не первоклассныхъ духовныхъ журналовъ (100, 155 и др.). Со

стороны литературной обработки—недочетовъ мы замѣтили мало (10, 14, 16, 33, 43, 114, 125, 133, 183, 207, 208, 210, 212, 214, 310). Иностранныхъ словъ въ сочиненіи встрѣчается весьма немного (31, 35, 74, 75, 160, 198, 275). Сочиненіе въ общемъ читается весьма легко, хотя есть и туманныя страницы, неудобовоспріемлемыя даже и учащимися въ Академіи.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о другомъ его сочиненіи: „Уничженіе Господа нашего Иисуса Христа“ (Филип. 2, 5—11). Книжка посвящена критико-текстуальному изъясненію 2, 5—11 Филип. и изложенію патристическаго ученія о самоуничженіи (кенозисѣ) Иисуса Христа. Авторъ останавливается сначала на письменности первыхъ трехъ вѣковъ, потомъ излагаетъ ученіе о кенозисѣ св. Кирилла Александрійскаго, Θεодора Мопсуетскаго, бл. Θεодорита Кирскаго, св. Льва папы Римскаго, св. Софронія патриарха Иерусалимскаго, св. Агафона папы Римскаго, св. Іоанна Дамаскина. Наконецъ, излагаетъ ученіе протестантскихъ писателей о кенозисѣ и заканчиваетъ свой трудъ изложеніемъ ученія о кенозисѣ католическихъ богослововъ и православныхъ. Несмотря на свои небольшіе сравнительно размѣры, книжка написана весьма основательно и представляетъ собою весьма цѣнное и новое слово по вопросу о кенозисѣ. Вопросъ раскрывается чисто научнымъ путемъ. Всюду авторъ пользуется не только первоисточниками, но и весьма хорошими второстепенными пособіями—англійскими, французскими и нѣмецкими. Едва ли нужно говорить о значеніи такого труда, въ которомъ излагается чисто научнымъ путемъ при свѣтѣ св. отцевъ и учителей церкви, выдающихся писателей послѣдующихъ временъ о такомъ важномъ предметѣ, какъ кенозисъ. Въ качествѣ недостатковъ этого сочиненія можно было бы указать на пропуски въ его трудѣ многихъ видныхъ писателей древняго и новаго времени. Исторія кенозиса излагается эпизодически, а не генетически. Но едва ли мы вправѣ предъявлять автору подобныя требованія, когда онъ самъ не ставилъ для себя цѣлю начертать полную исторію ученій о кенозисѣ. Если бы авторъ поставилъ себѣ задачей изложить подобную исторію, то получился бы такой громадный трудъ, который одинъ далъ бы полную возможность увѣнчать автора почетною степенью доктора богословія. Считаю своимъ долгомъ заявить,